

MANIFESTE DU PARTI COMMUNISTE
par Karl MARX et Fr. ENGELS

РУССКАЯ СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БІБЛІОТЕКА

Книга Третья

МАНИФЕСТЪ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ
Карла Маркса и Фр. Энгельса

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1872.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ АВТОРОВЪ

~~~~~  
**Prix 1 Fr.**  
~~~~~

ЖЕНЕВА

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

—
1882

РУССКАЯ СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БІБЛІОТЕКА

Книга Третья

— * —

МАНИФЕСТЪ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ

Карла Маркса и Фр. Энгельса

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1872.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ АВТОРОВЪ

ЖЕНЕВА

Вольная Русская Типографія.

—
1882

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса — пользуются у насъ такою громкою и почетною извѣстностью, что говорить о научныхъ достоинствахъ „Манифеста коммунистической партіи“ — значитъ повторять всемъ извѣстную истину. Вместе съ другими сочиненіями его авторовъ, „Манифестъ“ открываетъ новую эпоху въ исторіи социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современныхъ отношеній труда къ капиталу и чуждаго всякихъ утопій, научнаго обоснованія социализма. Едва ли нужно, поэтому, объяснять мотивы, побудившіе „Русскую Соціально-Революціонную Библіотеку“ издать „Манифестъ“ на русскомъ языкѣ. Достаточно сказать, что вышедшій въ шестидесятыхъ годахъ русскій переводъ его представляетъ собою теперь библиографическую рѣдкость, въ полномъ смыслѣ этого слова. Кроме того, въ переводъ этотъ залзалось, какъ намъ кажется, нѣсколько неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей авторовъ. Мы рѣшились сдѣлать новый переводъ этого великаго, хотя и не объемистаго, произведенія, которое разошлось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ во всехъ цивилизованныхъ странахъ, и несомнѣнно получило бы еще большее распространеніе, если бы образованные представители господствующихъ классовъ продолжали интересоваться наукой даже въ томъ случаѣ, когда выводы ея противорѣчатъ ихъ интересамъ и предрасудкамъ.

Намъ казалось, что изданіе русскаго перевода „Манифеста коммунистической партіи“ не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское социалистическое движеніе окончательно уже выступило на путь открытой борьбы съ абсолютизмомъ, и вопросъ о значеніи и задачахъ политической дѣятельности нашей партіи становится жгучимъ практическимъ вопросомъ. Взаимная зависимость и связь политическихъ и экономическихъ интересовъ трудящихся указаны въ „Манифестѣ“ съ полною

ясностью. Авторы его сочувствуют „всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній“. Но, отетавивъ ближайшія, непосредственныя цѣли всякаго революціоннаго движенія, они въ то же время не упускаютъ изъ виду его „будущности“. Поэтому „Манифестъ“ можетъ предостеречь русскихъ соціалистовъ отъ двухъ одинаково печальныхъ крайностей: отрицательнаго отношенія къ политической дѣятельности съ одной стороны, и забвенія будущихъ интересовъ партіи—съ другой. Люди, склонные къ первой изъ упомянутыхъ крайностей, убѣдятся въ томъ, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“, и что отказываться отъ активной борьбы съ современнымъ русскимъ абсолютизмомъ значитъ косвеннымъ образомъ его поддерживать. Съ другой стороны, „Манифестъ“ показываетъ, что успѣхъ борьбы всякаго класса вообще, а рабочаго въ особенности, зависитъ отъ объединенія этого класса и яснаго сознанія имъ своихъ экономическихъ интересовъ. Отъ организаціи рабочаго класса и непрестаннаго выясненія ему „враждебной противоположности“ его интересовъ съ интересами господствующихъ классовъ—зависитъ будущность нашего движенія, которую, разумѣется, невозможно приносить въ жертву интересамъ данной минуты.

Основанія этой организаціи русскаго рабочаго класса могутъ быть заложены уже въ настоящее время. Русское соціалистическое движеніе не ограничивается уже предѣлами того слоя, который принято называть учащеюся молодежью, мыслящимъ пролетаріатомъ и т. п. Рабочіе нашихъ промышленныхъ центровъ, въ свою очередь, начинаютъ „мыслить“ и стремиться къ своему освобожденію. Несмотря на все преслѣдованія правительства, тайныя соціалистическія организаціи рабочихъ не только не разрушаются, но принимаютъ все болѣе широкіе размѣры. Вместе съ этимъ расширяется соціалистическая пропаганда, растетъ спросъ на популярныя брошюры, излагающія основныя положенія соціализма. Было бы очень желательно, чтобы имѣющая возникнуть русская рабочая литература поставила себѣ задачей популяризацію ученій Маркса и Энгельса, минуя окольные пути болѣе или менѣе искаженнаго прудонизма.

Правда, у насъ до сихъ поръ еще довольно сильно распространено убѣжденіе въ томъ, что задачи русскихъ соціалистовъ су-

щественно отличаются отъ задачъ ихъ западно-европейскихъ товарищей. Но не говоря уже о томъ, что окончательная цѣль должна быть одинакова для социалистовъ всѣхъ странъ, рациональное отношеніе нашихъ социалистовъ къ особенностямъ русскаго экономического строя возможно лишь при правильномъ пониманіи Западно-европейскаго общественнаго развитія. Сочиненія же Маркса и Энгельса представляютъ собою незаменимый источникъ для изученія общественныхъ отношеній Запада.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о „приложеніяхъ“, помѣщенныхъ нами въ концѣ книги. Въ своемъ предисловіи къ цѣмцкому изданію 1872 года, авторы „Манифеста“ указываютъ на опытъ Парижской Коммуны, „показавшей, что рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей.“ При этомъ они ссылаются на брошюру „Гражданская война во Франціи“, въ которой вопросъ о развитіи и значеніи современной государственной власти разсматривается подробно. Въ виду того, что русское изданіе этой брошюры теперь уже совершенно разошлось, мы рѣшились приложить къ „Манифесту“ переводъ указаннаго автора мѣста изъ „Гражданской войны во Франціи“. Что касается Устава Международнаго Товарищества рабочихъ, то мы считали его интереснымъ дополненіемъ къ Манифесту потому, что это знаменитое Товарищество представляетъ собою въ высшей степени плодотворный опытъ международной организаціи рабочаго класса на началахъ, впервые развитыхъ въ Манифестѣ Коммунистической партіи. Несмотря на непродолжительность своего существованія, Международное Товарищество Рабочихъ сдѣлало свое дѣло, скрѣпивши „братскими узами солидарности“ социалистическія партіи всего міра.

Г. Плехановъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРОВЪ къ русскому изданію.

Первое русское изданіе „Манифеста коммунистической партіи“, въ переводѣ Бакунина, появилось въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ типографіи „Колокола“. Въ то время русское изданіе манифеста могло казаться на Западѣ не болѣе, какъ литературнымъ курьезомъ. Въ настоящее время такой взглядъ былъ бы уже невозможенъ. До какой степени ограниченную область распространенія имѣло, въ періодъ перваго появленія манифеста (Декабрь 1847 г.), движеніе пролетаріата, лучше всего показываетъ послѣдняя его глава: „Отношеніе коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ въ различныхъ странахъ.“ Въ ней недостаетъ именно Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Это было время, когда Россія являлась послѣднимъ большимъ резервомъ всей европейской реакціи. Эмиграція въ Соединенные Штаты поглощала излишекъ силъ европейскаго пролетаріата. Обѣ эти страны снабжали Европу сырьемъ и служили въ тоже время рынкомъ для сбыта ея промышленныхъ произведеній. Обѣ онѣ являлись, слѣдовательно, такъ или иначе, оплотомъ общественнаго строя Европы.

До какой степени измѣнилось это теперь! Именно европейская эмиграція способствовала колоссальному развитію земледѣлія въ Сѣверной Америкѣ, которое, своей конкуренціей, колеблетъ крупное и мелкое европейское землевладѣніе въ самыхъ его основаніяхъ. Она

дала, кромѣ того, Соединеннымъ Штатамъ возможность взяться за эксплуатацію ихъ богатыхъ источниковъ промышленнаго развитія въ такихъ размѣрахъ и съ такою энергіей, которые въ короткое время должны положить конецъ промышленной монополіи Западной Европы. Оба эти обстоятельства воздѣйствуютъ, въ революціонномъ смыслѣ, и на Америку. Мелкая и средняя поземельная собственность фермеровъ, основа всего ея политическаго строя, побѣждается мало по малу конкуренціей громаднхъ фермъ; въ тоже время въ промышленныхъ округахъ впервые развивается многочисленный пролетаріатъ и баснословная концентрація капиталовъ.

Перейдемъ къ Россіи. Въ періодъ революціи 1848—49 года не только европейскіе монархи, но и европейскіе буржуа находили въ русскомъ вмѣшательствѣ единственное спасеніе противъ только-что собравшагся съ силами пролетаріата. Царя провозгласили главою европейской реакціи. Теперь онъ—содержащійся въ Гатчинѣ военноплѣнный революціи, и Россія представляетъ собою передовой отрядъ революціоннаго движенія въ Европѣ.

Задачей Коммунистическаго манифеста было провозгласить неизбежно—предстоящее разложеніе современной буржуазной собственности. Но, рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью, мы находимъ въ Россіи большую половину земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ.

Спрашивается теперь: можетъ ли русская община—эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытнаго коллективнаго владѣнія землею—непосредственно перейти въ высшую, коммунистическую форму зем-

левладѣнія? Или, напротивъ, она должна пройти сначала тотъ же процессъ разложенія, который опредѣлилъ собою историческое развитіе Запада?

Единственный, возможный въ настоящее время, отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ пополняютъ другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія.

Карлъ Марксъ. Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ, 21 Января 1882 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРОВЪ

къ нѣмецкому изданію 1872 года.

„Союзъ Коммунистовъ“, международная рабочая организація, которая при тогдашнихъ обстоятельствахъ, разумѣется, могла быть только тайной, поручила нижеподписавшимся, на Лондонскомъ конгрессѣ въ Ноябрьѣ 1847, написать подробную, предназначенную для опубликованія, теоретическую и практическую программу партіи. Такимъ образомъ появился слѣдующій ниже манифестъ, рукопись котораго была отправлена въ Лондонъ для напечатанія за нѣсколько недѣль до Февральской революціи. Опубликованный сначала по-нѣмецки, онъ выдержалъ на этомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать различныхъ изданій въ Германіи, Англіи и Америкѣ. На англійскомъ языкѣ онъ появился сначала въ 1850 году въ Лондонскомъ Red Republican, въ переводѣ миссъ Елены Макферленъ (Macfarlane), и затѣмъ въ 1871 году, по меньшей мѣрѣ, въ трехъ различныхъ переводахъ въ

Америкѣ. На французскомъ языкѣ онъ появился въ первый разъ въ Парижѣ, незадолго до Юньскаго возстанія 1848 года, потомъ въ Нью-Йоркскомъ изданіи *Le Socialiste*. Теперь готовится новый переводъ. По польски онъ былъ напечатанъ вскорѣ послѣ перваго нѣмецкаго изданія. По русски — въ шестидесятыхъ годахъ въ Женевѣ. Датскій переводъ вышелъ въ свѣтъ тоже вскорѣ послѣ его появленія.

Хотя общественныя отношенія очень сильно измѣнились въ теченіе послѣдняго 25-лѣтія, но развитія въ этомъ Манифестѣ общія положенія, въ цѣломъ, сохранили все свое значеніе и по настоящее время.

Нѣкоторыя же частности нуждались бы въ поправкахъ.

Практическое примѣненіе этихъ общихъ положеній, какъ гласитъ самъ манифестъ, должно всегда и вездѣ находиться въ зависимости отъ исторически-сложившихся обстоятельствъ. Поэтому не нужно придавать исключительнаго значенія предлагаемымъ въ концѣ II-ой главы революціоннымъ мѣрамъ. Это мѣсто должно бы было, въ настоящее время, измѣнить во многихъ отношеніяхъ. Въ виду громаднаго развитія крупной промышленности въ послѣднее двадцатипятилѣтіе и связанныхъ съ нимъ успѣховъ организаціи рабочаго сословія въ особую партію; въ виду практическаго опыта, во первыхъ, Февральской революціи и еще болѣе Парижской Коммуны, гдѣ въ первый разъ политическая власть была, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, въ рукахъ пролетаріата, — упомянутая практическая программа мѣстами уже устарѣла. Именно Парижская Коммуна доказала, что „рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей“. (См. „Гражданскую войну во Франціи“, отчетъ Генеральнаго Совѣта Международной Рабочей Ассоціаціи, 19 стр. нѣмецкаго изданія, гдѣ это развито подробнѣе*). Далѣе,

*) Смотри. Приложенія.

само собою разумѣется, что критика социалистической литературы неполна для настоящаго времени, такъ какъ она доходитъ лишь до 1847 года.

Точно также и замѣчанія объ отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиционнымъ партіямъ (глава IV), и теперь еще вѣрныя въ общемъ, въ подробностяхъ своихъ уже потому оказываются устарѣвшими, что политическія отношенія теперь совершенно измѣнились, и большая часть перечисленныхъ тамъ партій самымъ ходомъ историческаго развитія устранила съ общественной арены.

Но „Манифестъ“ представляетъ собою историческій документъ, измѣнять который мы не считаемъ уже себя въ правѣ. Быть можетъ, къ слѣдующему изданію его будетъ прибавлено введеніе, обнимающее промежутокъ отъ 1847 года до настоящаго времени. На этотъ разъ изданіе его было предпринято слишкомъ неожиданно для насъ, чтобы мы могли имѣть необходимое для этого время.

Карлъ Марксъ. Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ, 24 Юня 1872 г.

МАНИФЕСТЪ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

Въ Европѣ появился страшный призракъ — призракъ коммунизма. Всѣ силы старой Европы — папа и царь, Меттернихъ и Гизо, французскіе радикалы и нѣмецкіе полицейскіе — соединились между собою для священной травли этого призрака.

Существуетъ ли хоть одна оппозиціонная партія, которую не обозвали бы коммунистической — стоящіе у власти—ея противники? Существуетъ ли хоть одна оппозиціонная партія, которая, въ свою очередь, не посылала бы упрека въ коммунизмъ какъ болѣе передовымъ представителямъ оппозиціи, такъ и реакціоннымъ своимъ противникамъ?

Изъ этого обстоятельства вытекаетъ два вывода.

Коммунизмъ признается уже силою со стороны всѣхъ прочихъ общественныхъ силъ Европы.

Давно уже пора коммунистамъ передъ цѣлымъ міромъ, открыто изложить свой образъ мыслей, свои цѣли и стремленія, и сказкамъ о коммунистическомъ призракѣ—противопоставить манифестъ самой коммунистической партіи.

Съ этою цѣлью коммунисты различныхъ національностей собрались въ Лондонъ и составили слѣдующій манифестъ, для опубликованія его на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, италіянскомъ, фламандскомъ и датскомъ языкахъ.

Буржуа и Пролетаріи

Исторія всѣхъ донинѣ существовавшихъ обществъ есть исторія борьбы классовъ.

Свободный и рабъ, патрицій и плебей, средневѣковый баронъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, угнетатель и угнетаемый — паходились въ вѣчной враждѣ другъ съ другѣмъ, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго зданія, или совмѣстною гибелью борящихся классовъ.

Въ историческія эпохи, предшествующія нашей, мы находимъ почти повсюду полное расчлененіе общества на различныя сословія, — цѣлую лѣстницу различныхъ общественныхъ положеній. Въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемъ патриціевъ, всадниковъ, плебеевъ и рабовъ. Въ Средніе Вѣка появляются сюзерены, вассалы, цеховые мастера, подмастерья и крѣпостные. И въ каждомъ изъ этихъ классовъ существуютъ еще особыя подраздѣленія.

Выросшее на развалинахъ феодализма, современное буржуазное общество не уничтожило различія классовъ. Оно поставило только новые классы на мѣсто старыхъ, выработало новые способы угнетенія и новые виды борьбы.

Впрочемъ наша эпоха, эпоха буржуазіи, отличается тѣмъ, что она упростила различіе общественныхъ положеній. Общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два большіе враждебные лагеря, на два большіе стоящія другъ противъ друга класса: буржуазію и пролетаріатъ.

Изъ средневѣковыхъ крѣпостныхъ образовалось мѣщанское населеніе первыхъ городовъ; изъ этого мѣщанства развились первые элементы буржуазіи.

Открытіе Америки и морскаго пути вокругъ Африки

создало новое поприще для растущей буржуазіи. Остиндскій и китайскій рынки, колонизація Америки, торговля съ колоніями, увеличеніе количества орудій обращенія (драгоцѣнныхъ металловъ) и вообще товаровъ, — дали неслыханный до тѣхъ поръ толчекъ торговлѣ, мореплаванію, промышленности, и тѣмъ значительно ускорили развитіе революціоннаго элемента въ разлагавшемся феодальномъ обществѣ.

Тогдашній феодальный, или цеховой способъ производства не въ состояніи былъ удовлетворить потребностямъ новыхъ рынковъ. Мѣсто его заняла мануфактура. Цеховые мастера вытѣснены были промышленнымъ среднимъ сословіемъ; раздѣленіе труда между различными корпораціями исчезло передъ раздѣленіемъ труда внутри самой мастерской.

Но рынокъ все болѣе расширялся, спросъ постоянно увеличивался. Мануфактурный способъ производства, въ свою очередь, оказался неудовлетворительнымъ. Тогда паръ и машины произвели революцію въ промышленности. Мѣсто мануфактуры заняла нынѣшняя крупная промышленность, мѣсто средняго сословія — миллионеры-промышленники, предводители цѣлыхъ промышленныхъ армій, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемірный рынокъ, подготовленный открытіемъ Америки. Всемірный рынокъ вызвалъ громадное развитіе торговли, мореплаванія и средствъ сухопутнаго сообщенія. Это снова повліяло на развитіе промышленности, и въ той же пропорціи въ какой росла промышленность, торговля, мореплаваніе и желѣзныя дороги, развивалась буржуазія, увеличивались ея капиталы, и она отодвигала на задній планъ всѣ классы стараго, средневѣковаго общества.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что буржуазія сама является продуктомъ длиннаго хода развитія, цѣлаго ряда переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна. Каждая изъ этихъ ступеней развитія буржуазіи сопровождалась соотвѣтствующими ей политическими завоеваніями. Буржуазія, которая представляла собою то угнетенное подъ игомъ феодаловъ сословіе, то вооруженную

и самоуправляющуюся ассоціацію въ городской коммунѣ, здѣсь независимую городскую республику, тамъ третье, податное сословіе монархическаго государства; явившаяся, затѣмъ, противовѣсомъ дворянству въ монархіи абсолютной или ограниченной сословнымъ представительствомъ — буржуазія, вообще послужившая главной основой большихъ монархій, завоевала себѣ, наконецъ, съ появленіемъ крупной промышленности и всемірнаго рынка исключительную политическую власть въ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ. Современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи.

Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени революціонную роль.

Всюду, гдѣ она достигла господства, буржуазія разрушила все старыя, патріархально-идиллическія отношенія. Она безжалостно разорвала пестрыя феодальныя шти, связывавшія челоуѣка съ его повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кромѣ голаго интереса, безсердечнаго „чистогапа“. Въ холодной водѣ эгоистическаго разчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія и мѣщанскоіи сантиментальности. Она превратила въ мѣновую стоимость личное достоинство челоуѣка, и на мѣсто безчисленнаго множества видовъ благопріобрѣтенной и патентованной свободы, поставила одну, чуждую идеальныхъ соображеній, свободу торговли. Словомъ, эксплуатацію, прикрытую религіозными и политическими иллюзіями, она замѣнила эксплуатаціей прямой, открытой, сухой и безстыдной.

Буржуазія лишила обаянія все тѣ роды дѣятельности, на которые до тѣхъ поръ смотрѣли съ благоговѣйнымъ почтеніемъ. Врачъ, юристъ, священникъ, поэтъ, челоуѣкъ науки — сдѣлались ея наемными работниками.

Буржуазія сорвала съ семейныхъ отношеній ихъ нѣжно-сантиментальный покровъ и превратила ихъ въ дѣло простаго денежнаго разчета.

Буржуазія разоблачила ту лѣнливую неподвижность, которая составляла естественное дополненіе грубаго средневѣковаго проявленія силы, до сихъ поръ восхваляющаго реакціонеровъ. Только она показала, какіе плоды можетъ приносить человѣческая дѣятельность. Чудеса ея искусства существенно отличаются отъ египетскихъ пирамидъ, римскихъ водопроводовъ и готическихъ соборовъ, ея завоеванія не имѣютъ ничего общаго съ переселеніями народовъ и крестовыми походами.

Буржуазія не можетъ существовать, не вызывая постоянныхъ переворотовъ въ орудіяхъ производства, въ его организаціи, а слѣдовательно, и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Неизмѣнное сохраненіе старыхъ способовъ производства было, напротивъ, первымъ условіемъ существованія всѣхъ предшествовавшихъ ей промышленныхъ классовъ. Постоянные перевороты въ производствѣ, непрерывное потрясеніе всѣхъ общественныхъ отношеній, вѣчное движеніе и вѣчная неуверенность — отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Всѣ прочныя, окаменѣлыя отношенія, съ соответствующими имъ, изстари установленными возрѣніями и представленіями, — разрушаются, всѣ вновь образовавшіяся оказываются устарѣлыми прежде, чѣмъ успѣваютъ окостенѣть. Все сословное и неподвижное исчезаетъ, все священное оскверняется, и люди приходятъ, наконецъ, къ необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимныя отношенія и все жизненное положеніе.

Потребность въ постоянно возрастающемъ сбытѣ для ея продуктовъ заставляетъ буржуазію обѣгать весь земной шаръ. Она должна проникать, вѣдраться и заводить сношенія повсюду.

Своей эксплуатаціей всемірнаго рынка буржуазія преобразовала въ космополитическомъ духѣ производство и потребленіе всѣхъ странъ. Къ великому огорченію реакціонеровъ, она лишила промышленность національной почвы. Старыя національныя отрасли производства уничтожены или уничтожаются съ каждымъ днемъ. Они вытѣсняются новыми отраслями промышленности, введе-

ніе которыхъ является вопросомъ жизни для всѣхъ цивилизованныхъ націй, тѣми отраслями промышленности, которая обрабатываютъ не мѣстные только сырые продукты, но произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ. Въ свою очередь, фабричные продукты этой новой промышленности потребляются не только внутри страны, но и во всѣхъ частяхъ свѣта. Прежнія, удовлетворявшіяся съ помощью мѣстныхъ продуктовъ, потребности замѣнились повыми, для удовлетворенія которыхъ необходимы произведенія отдаленнѣйшихъ странъ и разнообразнѣйшихъ климатовъ. Прежняя національная замкнутость и самодовольство уступаютъ мѣсто всестороннему обмѣну и всесторонней взаимной зависимости народовъ. Этотъ всесторонній обмѣнъ распространяется также и на произведенія умственного труда. Плоды умственной дѣятельности отдѣльныхъ націй становятся общимъ достояніемъ. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все болѣе и болѣе невозможными, и изъ многихъ національныхъ и мѣстныхъ литературъ образуется одна всемірная литература.

Быстрымъ усовершенствованіемъ орудій производства и безконечно облегченными средствами сообщенія буржуазія толкаетъ на путь цивилизаціи всѣ, даже самые варварскіе, народы. Низкія цѣны товаровъ являются въ ея рукахъ тою тяжелой артиллеріей, съ помощью которой разрушаетъ она всѣ китайскія стѣны и принуждаетъ къ капитуляціи самую упорную ненависть варваровъ къ иностранцамъ. Она заставляеть всѣ націи принять буржуазные способы производства, подъ угрозой полного ихъ раззоренія; она заставляеть ихъ усвоить такъ называемую цивилизацію, т. е. сдѣлаться буржуа. Словомъ, она творить новый міръ, по своему образу и подобию.

Буржуазія подчинила деревню господству города. Она вызвала къ жизни огромные города, въ высокой степени увеличила городское населеніе, сравнительно съ сельскимъ, и вырвала, такимъ образомъ, значительную часть жителей страны изъ отупляющей обстановки деревни. И рядомъ съ этимъ подчиненіемъ деревни городу, она

поставила варварскія и полуварварскія страны въ зависимость отъ цивилизованныхъ, крестьянскіе народы—отъ народовъ буржуазныхъ, Востокъ—отъ Запада.

Буржуазія все болѣе и болѣе уничтожаетъ раздробленіе имущества, насленія и средствъ производства. Она сгустила населеніе, централизовала средства производства и концентрировала собственность въ немногихъ рукахъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого была политическая централизація. Независимыя, едва связанные между собою провинціи, съ различными интересами, законами, управленіемъ и таможеннымъ тарифомъ, — сплотились въ одну націю, съ единымъ правительствомъ, однообразнымъ законодательствомъ, однимъ національнымъ классовымъ интересомъ и одною таможенною линіей.

Менѣе чѣмъ во сто лѣтъ своего господства, буржуазія создала болѣе могущественныя и болѣе грандіозныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія, вмѣстѣ взятыя. Подчиненіе человѣку силъ природы, машины, примѣненіе химіи къ земледѣлію и промышленности, пароходы, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, эксплуатація цѣлыхъ частей свѣта, приспособленіе рѣкъ для судоходства, цѣлыя, какъ бы изъ земли выросшія населенія... въ какомъ изъ предшествующихъ столѣтій могли предполагать, что подобныя производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда?

Резюмируемъ сказанное. Средства производства и сообщенія, которыя послужили основаніемъ для могущества буржуазіи, получили начало еще въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія, условія, среди которыхъ совершались производство и обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ, феодальная организація земледѣлія и промышленности, словомъ, феодальныя имущественныя отношенія оказались несоотвѣтствующими вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его. Они сдѣлались его цѣпями. Ихъ нужно было испровергнуть, и они были испровергнуты.

Мѣсто ихъ заняла свободная конкуренція съ соотвѣтствующимъ ей общественнымъ и политическимъ строемъ, съ экономическимъ и политическимъ господствомъ буржуазіи.

На нашихъ глазахъ совершается подобное этому историческое движеніе. Современное буржуазное общество съ его имущественными отношеніями, съ его организаціей производства и обмѣна, какъ бы волшебствомъ создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, это общество находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ вызванными его заклинаніями подземными силами. Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ условій жизни для буржуазіи и ея господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь періодически, все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества. Во время промышленныхъ кризисовъ постоянно уничтожается значительная часть не только готовыхъ уже продуктовъ, но и находящихся въ распоряженіи общества производительныхъ силъ. Во время кризисовъ появляется эпидемія, которая во все предшествующія эпохи показала бы нелѣпостью—эпидемія излишняго производства. Общество вдругъ возвращается на нѣкоторое время въ варварское состояніе; можно подумать, что голодъ или всеобщая истребительная война лишили его всѣхъ жизненныхъ средствъ; промышленность и торговля какъ бы уничтожаются, и почему? Потому, что общество слишкомъ цивилизовано, потому, что оно имѣетъ слишкомъ много жизненныхъ средствъ, потому, что торговля и промышленность его развиты слишкомъ высоко. Находящаяся въ его распоряженіи производительная сила не способствуютъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній; напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній, онѣ встрѣчаютъ въ

нихъ препятствіе, а когда имъ удается одолѣть это послѣднее, онѣ приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, угрожаютъ существованію буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими, чтобы вмѣстить созданное имъ богатство. Какимъ образомъ устраняетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, путемъ уничтоженія цѣлой массы производительныхъ силъ; съ другой стороны, посредствомъ завоеванія новыхъ, и болѣе широкой эксплуатаціи старыхъ—рынковъ. Слѣдовательно, ничѣмъ другимъ, какъ подготовленіемъ болѣе широкихъ и сильныхъ кризисовъ и уменьшеніемъ средствъ противодействовать имъ.

Оружіе, которымъ буржуазія на смерть поразила феодализмъ, направляется теперь противъ самой буржуазіи.

Но она не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ, она породила также людей, которые направятъ это оружіе — современныхъ работниковъ, пролетаріевъ.

Въ той же самой степени, въ какой развивается буржуазія, т. е. капиталъ, развивается и пролетаріатъ, классъ современныхъ работниковъ, которые только тогда и могутъ существовать, когда находятъ работу, а находятъ ее только до тѣхъ поръ, пока трудъ ихъ приноситъ прибыль капиталу. Эти работники, вынужденные продавать себя понтучно, представляютъ собою такой же товаръ, какъ и всякій другой предметъ торговли, а потому находятся въ зависимости отъ всѣхъ случайностей конкуренціи, отъ всѣхъ колебаній рынка.

Работа этихъ пролетаріевъ, благодаря машинамъ и раздѣленію труда, совершенно лишилась самостоятельнаго характера и потеряла, поэтому, всякую привлекательность для трудящихся.

Работникъ сдѣлался простымъ придаткомъ къ машинѣ, отъ котораго требуется лишь рядъ самыхъ простыхъ, самыхъ однообразныхъ, легче всего изучаемыхъ движеній. Издержки предпринимателя на покупку рабочей силы ограничиваются, поэтому, стоимостью содержанія работника и поддержанія его расы. Извѣстно, что цѣ-

на всякого товара, а слѣдовательно, и труда равняется издержкамъ его производства. Поэтому, чѣмъ болѣе уменьшается привлекательность работы, тѣмъ болѣе падаетъ и заработная плата. Даже болѣе: въ той же пропорціи, въ которой возрастаетъ примѣненіе машинъ и раздѣленіе труда, возрастаетъ и количество его, затрачиваемое работникомъ; это достигается благодаря удлинению рабочаго дня, или путемъ увеличенія напряженія, требуемаго отъ рабочаго въ данное время, путемъ ускоренія движенія машинъ и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патріархальнаго ремесленника въ большую фабрику капиталиста. Скученные на фабрикахъ массы рабочихъ организуются по-солдатски. Какъ рядовые промышленной арміи, ставятся они подъ надзоръ цѣлой іерархіи унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Они—рабы не только цѣлаго класса буржуазіи, буржуазнаго государства; ежедневно и ежечасно поработаются они машиной, надсмотрщиками, а прежде всего, разумѣется, самимъ буржуа-предпринимателемъ. И тѣмъ мелочнѣе, тѣмъ ненавистнѣе становится этотъ деспотизмъ, тѣмъ болѣе оставляетъ онъ горечи, чѣмъ откровеннѣе провозглашается нажива его послѣднею цѣлью.

Чѣмъ менѣе ловкости и силы требуетъ ручной трудъ, т. е. чѣмъ болѣе развивается современная промышленность, тѣмъ болѣе вытѣсняется мужской трудъ женскимъ. Различія пола и возраста не имѣютъ болѣе никакого общественнаго значенія, по отношенію къ рабочему классу. Предприниматель видитъ передъ собой только рабочіе инструменты, цѣна которыхъ измѣняется сообразно съ возрастомъ и поломъ.

Когда фабриканты выжимаютъ все, что можно, изъ рабочихъ, и послѣдніе получаютъ, наконецъ, свою заработную плату, на нихъ набрасываются другія части буржуазіи: домовладѣльцы, лавочники, ростовщики и т. д.

Низшіе слои средняго сословія, мелкіе промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, вѣдъ эти слои все болѣе и болѣе переходятъ въ ряды пролетаріата, частью потому, что ихъ незначительный капиталъ не-

достаточенъ для крупнаго производства и не выдерживаетъ конкуренціи большихъ капиталовъ, частью же потому, что ихъ техническіе приемы теряютъ свое значеніе при новыхъ способахъ производства. Такъ рекрутируется пролетаріатъ изъ всѣхъ классовъ населенія.

Пролетаріатъ проходитъ черезъ различныя степени развитія. Его борьба противъ буржуазіи начинается съ самымъ его существованіемъ.

Сначала рабочіе борются по-одиночкѣ, потомъ сплачиваются рабочіе одной фабрики, далѣе—одной отрасли промышленности въ извѣстной мѣстности, противъ отдѣльных, непосредственно ихъ эксплуатирующихъ буржуа. Они нападаютъ не только на буржуазныя условія производства, но и на самыя орудія труда; они разбираютъ машины, уничтожаютъ иностранные товары, конкуренція которыхъ лишаетъ ихъ заработка, поджигаютъ фабрики, стараясь поддержать клонящееся къ упадку положеніе средневѣковаго работника.

На этой ступени развитія, рабочіе представляютъ собою разсѣянную по всей странѣ и разьединенную конкуренціей массу. Массовыя движенія рабочихъ не являются тогда слѣдствіемъ самостоятельнаго ихъ сплоченія, но вызываются буржуазіей, которая, для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, должна и еще можетъ приводить въ движеніе весь рабочій классъ. На этой ступени рабочіе борются, слѣдовательно, не съ своимъ собственнымъ непріателемъ, они побиваютъ враговъ своихъ враговъ, — остатки абсолютной монархіи, поземельныхъ собственниковъ, непромышленную буржуазію, мелкихъ представителей средняго сословія. Все историческое движеніе концентрируется, такимъ образомъ, въ рукахъ буржуазіи. Каждая побѣда, которую удается одержать, есть побѣда буржуазіи.

Но съ развитіемъ промышленности увеличивается не только численный составъ пролетаріата; онъ группируется въ большія массы, сила его растетъ, и онъ болѣе сознаетъ ея присутствіе. Интересы и жизненное положеніе рабочихъ все болѣе и болѣе приводятся къ одному уровню, между тѣмъ какъ машинное производ-

ство все болѣе и болѣе стираетъ различіе между всѣми отраслями труда и почти повсюду низводитъ рабочую плату до одинаково низкой степени. Усиливающаяся конкуренція предпринимателей и вызываемые ею торговые кризисы обусловливаютъ болѣе сильныя колебанія заработной платы; съ возрастающей быстротой развивающееся усовершенствованіе машинъ дѣлаетъ жизненное положеніе рабочихъ все менѣе и менѣе обезпеченнымъ; столкновенія между отдѣльными работниками и предпринимателями все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ столкновеній двухъ классовъ общества. Рабочіе начинаютъ устраивать стачки для совмѣстной борьбы противъ буржуа; совокупными силами отстаиваютъ они свою заработную плату. Они устраиваютъ даже постоянныя ассоціаціи, которыя бы могли поддерживать ихъ въ минуты активной борьбы. Мѣстами борьба эта переходитъ въ открытыя возстанія.

Иногда рабочіе остаются побѣдителями, но не на долго. Существеннымъ результатомъ ихъ борьбы является не непосредственный успѣхъ, но все болѣе возрастающее сплочиваніе ихъ между собою. Ему способствуетъ вызываемое развитіемъ крупной промышленности улучшеніе средствъ сообщенія, которое приводитъ въ соприкосновеніе работниковъ различныхъ мѣстностей.

Только это соприкосновеніе и нужно, чтобы борьбу рабочихъ отдѣльныхъ мѣстностей, повсюду носящую одинъ и тотъ же характеръ, превратить въ классовую борьбу цѣлаго народа. Но каждая классовая борьба есть борьба политическая. И объединеніе, для котораго средневѣковымъ горожанамъ, съ ихъ проселочными дорогами, нужны были столѣтія, совершается современными рабочими, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, въ немногіе годы.

Эта организація пролетаріевъ въ отдѣльный классъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ политическую партію, ежеминутно разбивается конкуренціей рабочихъ между собою. Но она возникаетъ снова и снова, каждый разъ крѣпче, сильнѣе, могущественнѣе. Пользуясь взаимны-

ди несогласіями различныхъ слоевъ буржуазіи, она добивается признанія нѣкоторыхъ интересовъ рабочихъ со стороны закона. Такъ было съ десятичасовымъ биллемъ въ Англіи.

Несогласія внутри стараго общества всегда способствуютъ, такъ или иначе, развитію пролетаріата. Буржуазія ведетъ постоянную борьбу; сначала—противъ аристократіи; потомъ — противъ тѣхъ слоевъ своего класса, интересамъ которыхъ противорѣчитъ развитіе крупной промышленности; борьба ея противъ буржуазіи другихъ государствъ никогда не прекращается. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ она вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкать его, такимъ образомъ, на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, такимъ образомъ, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е. вручаетъ ему оружіе противъ самой себя.

Кромѣ того, по мѣрѣ развитія крупной промышленности, цѣлые слои господствующаго класса переходятъ, какъ мы видѣли, въ ряды пролетаріата, или, въ крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе. Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата.

Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія.

Изъ всѣхъ классовъ, которые противостоятъ теперь буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ

емъ крупной промышленности; пролетаріатъ же именно ею и создается.

Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне — всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата.

„Пролетаріатъ оборващевъ“, (Lumpenproletariat*) этотъ пассивный продуктъ разложенія самыхъ низшихъ слоевъ стараго общества, мѣстами вовлекается въ революціонное движеніе пролетаріата, но по всей своей жизненной обстановкѣ онъ гораздо болѣе склоненъ продавать себя для реакціонныхъ козней.

Жизненные условія стараго общества уже теперь совершенно не существуютъ для пролетаріата. Пролетаріи не имѣетъ собственности; его отношенія къ женщиѣ и дѣтямъ не имѣютъ болѣе ничего общаго съ буржуазными семейными отношеніями; современный промышленный трудъ, современное иго капитала, одинаковое какъ въ Англии, такъ и во Франціи, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Германіи, уничтожило въ немъ всякій національный характеръ. Законы, мораль, религія являются для него не болѣе, какъ буржуазными предразсудками, подъ которыми скрываются тѣ или другіе буржуазные интересы.

Всѣ предшествующіе пролетаріату классы, достигая господства, старались упрочить уже приобрѣтенное ими общественное положеніе, ставя все общество въ усло-

*) Нѣмецкое слово Lumpenproletariat болѣе или менѣе подходитъ подъ наше русское выраженіе „босая команда“, но такъ какъ это выраженіе употребляется только въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ городахъ, то мы и не рѣшились поставить его въ текстъ. Примѣч. Перев.

вія, найбільше благопріятныя для ихъ обогащенія. Пролетаріи же можуть овладѣть общественными производи-тельными силами только тогда, когда они уничтожатъ свой собственный, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ современные способы пріобрѣтенія имущества. Пролетаріямъ нечего упрочивать, они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія.

Всѣ до сихъ поръ возникавшія движенія были движеніями меньшинства или совершались въ интересахъ меньшинства.

Движеніе пролетаріата есть самостоятельное движеніе огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства. Пролетаріатъ, самый низшій слой современнаго общества, не можетъ подняться, не можетъ выпрямиться, не уничтоживъ въ прахъ всю возвышающуюся надъ нимъ надстройку изъ слоевъ, образующихъ официальное общество.

Если не по сущности, то по формѣ, борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть, прежде всего, борьба національная. Пролетаріатъ каждой страны, естественно, долженъ прежде всего покончить съ буржуазіей своей страны.

Всѣ до нынѣ существовавшіе виды общественнаго устройства основывались, какъ мы видѣли, на противоположности угнетаемымъ и угнетающихъ классовъ. Но, чтобы угнетать извѣстный классъ, нужно создать условія, среди которыхъ онъ могъ бы, по крайнсей мѣрѣ, поддерживать свое подневольное существованіе. Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ, яга крѣпостной возвысился однако до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ выросъ до буржуа, не смотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы улучшать свое положеніе съ прогрессомъ промышленности, опускается все ниже и ниже. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство буржуазныхъ странъ. Все болѣе становится очевиднымъ, что буржуазія не способна оставаться господствующей

щимъ классомъ, и возводитъ условія своего существованія въ форму, регулирующую весь общественный строй. Она не способна къ господству потому, что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабскаго существованія, потому, что она вынуждена была довести его до такого состоянія, въ которомъ она должна кормить его, вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ. Общество не можетъ болѣе жить подъ ея властью, другими словами, жизнь буржуазіи несовмѣстима болѣе съ жизнью общества.

Самое важное условіе существованія и господства буржуазнаго класса есть накопленіе богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, образованіе и умноженіе капиталовъ; условіе существованія капитала есть наемный трудъ. Наемный трудъ основывается исключительно на конкуренціи рабочихъ между собою. Прогрессъ промышленности, носителемъ котораго не можетъ не быть буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ, посредствомъ конкуренціи, — революціонное объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи. Съ развитіемъ крупной промышленности вырывается, слѣдовательно, изъ подъ ногу буржуазіи самое основаніе, на которомъ она производитъ и присваиваетъ себѣ продукты. Она производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда пролетаріата — одинаково неизбежны.

II

Пролетаріи и Коммунисты

Въ какомъ отношеніи стоятъ коммунисты къ пролетаріамъ вообще?

Коммунисты не составляютъ какой либо особой партіи, противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ.

У нихъ нѣтъ интересовъ, не совпадающихъ съ интересами всего пролетаріата.

Они не высказывают никаких особых принциповъ, подъ которые они хотѣли бы подвести движеніе пролетаріевъ.

Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что, съ одной стороны, въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности, интересы всего пролетаріата; съ другой стороны — тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія, въ его цѣломъ.

Такимъ образомъ, коммунисты, на практикѣ представляютъ самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, въ теоретическомъ отношеніи, они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія. Ближайшая цѣль коммунистовъ та-же, что и другихъ рабочихъ партій: организація рабочаго класса, сверженіе господства буржуазіи, завоеваніе пролетаріатомъ политической власти.

Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ и принципахъ, открытыхъ и установленныхъ тѣмъ или другимъ всемірнымъ реформаторомъ.

Они представляютъ собою лишь общее выраженіе современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія. Уничтоженіе старыхъ формъ имущественныхъ отношеній не представляетъ собою стремленія, свойственнаго исключительно коммунистамъ.

Имущественныя отношенія всегда подлежали постоянной исторической смѣнѣ, постояннымъ историческимъ измѣненіямъ.

Такъ на примѣръ, французская революція уничтожила феодальную форму собственности въ пользу собственности буржуазной.

Характерическою особенностью коммунизма — является не уничтоженіе собственности вообще, но уничтоженіе соб-

ственности буржуазной. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение того способа производства и присвоения продуктовъ, въ основаніи котораго лежитъ антагонизмъ классовъ — эксплуатація однихъ другими.

Въ этомъ смыслѣ коммунисты могутъ выразить свою теорію словами: уничтоженіе частной собственности.

Насъ, коммунистовъ, упрекали въ томъ, что мы хотимъ, будто бы, уничтожить собственность, пріобрѣтенную личнымъ трудомъ; собственность, служащую основаніемъ личной свободы, самостоятельности и самостоятельности.

Собственность, пріобрѣтенная личнымъ трудомъ! Говорите ли вы о мелкой мѣщанской и крестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Намъ нечего уничтожать ее, развитіе крупной промышленности уже уничтожило ее, или уничтожаетъ ежедневно.

Или говорите вы о современной, буржуазной частной собственности?

Но развѣ наемные рабочіе пріобрѣтаютъ собственность, благодаря своему труду? Никогда. Ихъ трудъ создаетъ капиталы, т. е. собственность, эксплуатирующую наемный трудъ, собственность, которая можетъ умножаться только тогда, когда она создаетъ новый наемный трудъ, чтобы вновь его эксплуатировать. Въ ея теперешнемъ видѣ, собственность основывается на противоположности между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Разсмотримъ эту противоположность съ обѣихъ сторонъ.

Быть капиталистомъ значитъ занимать, по отношенію къ производству, не только личное, но и извѣстное общественное положеніе. Капиталь есть продуктъ общественнаго труда и можетъ быть употребленъ въ дѣло лишь совокупными усиліями многихъ членовъ, въ последнемъ счетѣ — всѣхъ членовъ общества.

Слѣдовательно, капиталъ есть не личная, а общественная сила.

Если, поэтому, капиталъ будетъ обращенъ въобщественную, всѣмъ гражданамъ принадлежащую собст-

венность, то это не будет превращеніемъ частной собственности въ общественную. Измѣнится только общественный характеръ собственности. Она потеряетъ свой классовый характеръ.

Перейдемъ къ наемному труду.

Средняя цѣна наемнаго труда есть минимумъ заработной платы, т. е. сумма жизненныхъ средствъ, непревышающая того, что необходимо для поддержанія жизни рабочихъ. Такимъ образомъ, того, что пріобрѣтаетъ рабочій своею дѣятельностью, едва хватаетъ для поддержанія его существованія.

Мы вовсе не хотимъ уничтожить этого личнаго присвоенія продуктовъ труда, необходимыхъ для непосредственнаго поддержанія жизни, этого присвоенія, которое не оставляетъ никакого чистаго дохода, дающаго власть надъ трудомъ другихъ. Мы хотимъ только уничтожить нищенскій характеръ этого присвоенія, благодаря которому рабочій живетъ лишь для того, чтобы увеличивать капиталъ, живетъ только до тѣхъ поръ, пока это входитъ въ интересы господствующихъ классовъ.

Въ буржуазномъ обществѣ живой трудъ работника есть только средство для увеличенія накопленнаго труда, т. е. капитала. Въ коммунистическомъ обществѣ накопленный трудъ есть только средство, способствующее продолженію и удобствамъ жизни рабочаго.

Такимъ образомъ, въ буржуазномъ обществѣ прошедшее господствуетъ надъ настоящимъ, въ коммунистическомъ — настоящее надъ прошедшимъ. Въ буржуазномъ обществѣ капиталъ обладаетъ самостоятельностью и индивидуальностью, между тѣмъ какъ трудящійся индивидуумъ является несамостоятельнымъ и обезличеннымъ.

И уничтоженіе этихъ то отношеній называетъ буржуазія уничтоженіемъ человѣческой личности и свободы!

И она права.

Рѣчь идетъ, дѣйствительно, объ уничтоженіи буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

При современныхъ буржуазныхъ условіяхъ производства, подъ свободой понимаютъ свободу торговли, свободу купли и продажи.

Съ паденіемъ барышничества падеть, конечно, и свободное барышничество. Защита свободного барышничества, какъ и всѣ буржуазныя выходки въ защиту свободы, имѣеть смыслъ лишь въ виду несвободнаго барышничества, въ виду подневольнаго положенія средневѣковыхъ горожанъ, а не тогда, когда рѣчь идетъ о коммунистическомъ уничтоженіи барышничества, буржуазныхъ условій производства и самой буржуазіи.

Вы возмущаетесь тѣмъ, что мы хотимъ уничтожить частную собственность. Но въ вашемъ теперешнемъ обществѣ она уничтожена уже для девяти десятыхъ населенія. Она существуетъ именно потому, что не существуетъ для этихъ девяти десятыхъ. Вы упрекаете насъ, слѣдовательно, въ томъ, что мы хотимъ уничтожить собственность, необходимой посылкой которой является отсутствіе ея у огромнаго большинства членовъ общества.

Словомъ, вы упрекаете насъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить вашу собственность. И дѣйствительно мы хотимъ сдѣлать это.

Съ той минуты, когда работа не будетъ болѣе превращаться въ капиталъ, деньги, поземельную ренту, короче, въ общественную силу, которая могла бы быть монополизированной, т. е. съ той минуты, когда личная собственность не будетъ превращаться въ собственность буржуазную, — съ этой минуты, заявляете вы, человѣческая личность будетъ уничтожена.

Вы сами сознаетесь, такимъ образомъ, что подъ человѣческою личностью вы понимаете только буржуа, обладателя буржуазной собственности. Такая личность дѣйствительно должна быть уничтожена.

Коммунизмъ никому не запрещаетъ присвоивать себѣ продукты общественнаго труда, онъ устраняетъ только возможность пользоваться этимъ присвоеніемъ для подчипенія чужаго труда.

Говорятъ, что съ уничтоженіемъ частной собствен-

сти прекратится всякая самодѣтельность и воцарится всеобщая лѣность.

Если бы эти опасенія были основательны, то буржуазное общество давно уже должно было бы разрушиться, благодаря всеобщей неподвижности: вѣдь трудящіеся его члены ничего не приобрѣтаютъ, а приобрѣтающіе—не трудятся.

Всѣ эти опасенія сводятся къ простой тавтологіи, гласящей, что не будетъ наемнаго труда тамъ, гдѣ не будетъ болѣе капитала.

Всѣ возраженія противъ коммунистическаго способа производства и распредѣленія матеріальныхъ продуктовъ распространялись также и на производство и распредѣленіе продуктовъ умственнаго труда. Подобно тому какъ уничтоженіе частной собственности представляется буржуазіи уничтоженіемъ самаго производства, такъ и уничтоженіе классоваго характера современнаго образованія кажется ей одностороннимъ съ уничтоженіемъ образованія вообще.

Образованіе, гибель котораго она оплакиваетъ, для огромнаго большинства является не болѣе, какъ обращеніемъ въ машину.

Но не спорьте же съ нами, оцѣнивая уничтоженіе буржуазной собственности съ точки зрѣнія вѣчныхъ понятій о свободѣ, образованіи, правѣ и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условіями производства и распредѣленія, точно также какъ ваше Право есть только возведенная въ законъ воля вашего класса, воля, содержаніе которой опредѣляется матеріальными условіями существованія вашего класса.

Пристрастіе, благодаря которому вы превращаете ваши имущественныя отношенія и ваши условія производства изъ исторически сложившихся, въ хѣдѣ развитія самаго производства измѣняющихся отношеній,—въ вѣчные законы природы и разума, это пристрастіе вы раздѣляете со всѣми, прежде васъ господствовавшими классами. То что вамъ кажется понятнымъ, когда рѣчь идетъ объ античной или феодальной собственности, вы не хотите понять, когда заговариваютъ о собственности буржуазной.

Уничтоженіе семьи! Даже самые радикальные буржуа возмущаются этимъ гнуснымъ намѣреніемъ коммунистовъ.

На чемъ держится современная, буржуазная семья? На капиталѣ, на частной наживѣ. Въ совершенно развитомъ видѣ она существуетъ только для буржуазіи; но она находитъ свое дополненіе въ вынужденномъ безбрачїи пролетаріевъ и открытой проституціи.

Буржуазная семья естественно должна будетъ пасть вмѣстѣ съ паденіемъ этого ея дополненія, и обѣ вмѣстѣ исчезнуть съ исчезновеніемъ капитала.

Упрекнете ли вы насъ въ томъ, что мы хотимъ прекратить эксплуатацію дѣтей родителями?

Мы заранѣе сознаемся въ этомъ преступленіи.

Но вы утверждаете, что стремясь замѣнить домашнее воспитаніе — общественнымъ, мы хотимъ уничтожить самыя дорогія челоуѣку отношенія.

А развѣ ваше воспитаніе не находится подъ вліяніемъ общества? Развѣ не опредѣляется оно общественными отношеніями, прямымъ или косвеннымъ вмѣшательствомъ общества, организаціей школъ и т. д. Не коммунисты выдумали воздѣйствіе общества на воспитаніе; они лишь измѣняютъ его характеръ, устраняютъ вліяніе на него господствующаго класса.

Буржуазныя разглагольствованія о семьѣ и воспитаніи, о нѣжныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, внушаютъ тѣмъ болѣе отвращенія, чѣмъ болѣе разрушаются всѣ семейныя связи въ средѣ пролетаріата, благодаря развитію крупной промышленности, чѣмъ болѣе дѣти рабочихъ превращаются въ простые товары и рабочіе инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жещъ, кричить намъ хоромъ вся буржуазія.

Буржуа смотритъ на свою жепу, какъ на простое орудіе производства. Онъ слышитъ, что орудія производства должны быть предоставлены въ общее пользованіе и, естественно, приходитъ къ тому заключенію, что и женщины подвергнутся той же участи.

Онъ и не подозрѣваетъ, что рѣчь идетъ объ устрани-

ціи того положенія женщины, въ которомъ она является простымъ орудіемъ производства.

Впрочемъ, нѣтъ ничего смѣшнѣе высоконравственнаго ужаса нашихъ буржуа, въ виду воображаемаго намѣренія коммунистовъ ввести официальную общность женъ. Коммунистамъ не нужно было бы вводить общность женъ, потому что она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи находятся жены и дочери пролетаріевъ, и не говоря уже объ официальной проституціи, наши буржуа съ особеннымъ наслажденіемъ занимаются развращеніемъ женъ другъ у друга.

Въ дѣйствительности буржуазный бракъ является общностью женъ. Коммунистовъ можно было бы упрекнуть развѣ лишь въ томъ, что они хотятъ поставить официальную общность женъ на мѣсто — лицемѣрно скрываемой. Но само собою разумѣется, что съ уничтоженіемъ современныхъ условій производства исчезнетъ и создаваемая ими общность женъ, т. е. официальная и неофициальная проституція.

Коммунистовъ упрекаютъ далѣе въ томъ, что они хотятъ, будтобы, уничтожить отечество, національность.

Рабочіе не имѣютъ отечества. Нельзя лишить ихъ того, чего у нихъ нѣтъ. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организовать въ одинъ національный классъ, устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ остается національнымъ, хотя совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово буржуазія.

Национальная обособленность и противоположность интересовъ различныхъ народовъ уже теперь все болѣе и болѣе исчезаютъ благодаря развитію буржуазіи, свободѣ торговли, всемірному рынку, однообразію способовъ производства и соотвѣтствующихъ имъ жизненныхъ отношеній.

Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе. Соединеніе усилій, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата.

Въ той же степени, въ какой уничтожена будетъ эксплуатация одного индивидуума другимъ, уничтожится и эксплуатация одной націи другою.

Вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націи падутъ и враждебныя отношенія націи между собою.

Обвиненія, возводимыя на коммунистовъ съ точекъ зрѣнія религіозной, идеологической и философской, вообще не заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Трудно ли понять, что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ—мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ, все ихъ міросозерцаніе?

Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной? Господствующими идеями даннаго времени всегда были только идеи господствующаго класса.

Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ; этимъ выражаютъ только тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей.

Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіанствомъ.

Когда христіанскія идеи уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка, феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной, тогда, буржуазіей. Идеи свободы совѣсти и религіи выражали собою лишь господство свободной конкуренціи въ области знанія.

„Но, скажутъ намъ, религіозныя, нравственныя, философскія, правовыя идеи и т. д. конечно измѣнялись въ ходѣ историческаго развитія, но религія, нравственность, философія, политика, право — всегда сохранялись въ этомъ безпрерывномъ измѣненіи.

„Существуютъ, кромѣ того, вѣчныя истины, какъ свобода, справедливость, и т. д., которыя одинаково принадлежатъ всѣмъ фазисамъ общественнаго развитія. Коммунизмъ же уничтожаетъ общія истины, онъ уничтожа-

еть религію и нравственность, вмѣсто того чтобы преобразовать ихъ; онъ противорѣчитъ, слѣдовательно, всему ходу историческаго развитія.“

Къ чему сводится это обвиненіе? Исторія всѣхъ до нынѣ существовавшихъ обществъ основывалась на противоположности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различныя виды.

Не смотря на различіе въ своихъ формахъ, эксплуатація одной части общества другою является фактомъ, общимъ всѣмъ прошлымъ столѣтіямъ. Неудивительно, поэтому, что общественное сознаніе всѣхъ вѣковъ, не смотря на всѣ различія и все свое разнообразіе, вращалось, до сихъ поръ, въ извѣстныхъ общихъ формахъ, которыя исчезнуть совершенно лишь съ полнымъ уничтоженіемъ противоположности классовъ.

Коммунистическая революція есть самый радикальный разрывъ съ существующими имущественными отношеніями; не удивительно, что она вступаетъ въ самый радикальный разрывъ съ традиціонными идеями.

Оставимъ, однако, возраженія буржуазіи противъ коммунистовъ.

Мы видѣли уже выше, что первымъ шагомъ рабочей революціи должно быть возвышеніе пролетаріата на степень господствующаго класса, учрежденіе демократіи.

Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ, чтобы мало по малу отнять у буржуазіи весь капиталъ, чтобы централизовать всѣ орудія труда въ рукахъ государства, т. е. организованнаго въ качествѣ господствующаго класса пролетаріата, и по возможности скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ

Конечно, сначала это можетъ совершиться только путемъ деспотическихъ вторженій въ право собственности и въ буржуазныя условія производства, слѣдовательно, путемъ мѣропріятій, которыя, съ экономической точки зрѣнія, кажутся недостаточными и маловажными, но которыя, въ ходѣ движенія, переростутъ самихъ себя, и неизбѣжны, какъ средства для преобразованія всего способа производства.

Эти мѣропріятія будутъ, конечно, различны въ различныхъ странахъ.

Въ самыхъ передовыхъ странахъ могли бы, однако, быть приняты слѣдующія общія мѣры:

- 1) Экспроприація поземельной собственности и обращеніе поземельной ренты на покрытие государственныхъ расходовъ.
- 2) Высокій прогрессивно-подходящій налогъ.
- 3) Уничтоженіе права наслѣдства.
- 4) Конфискація имущества всѣхъ эмигрантовъ и бунтовщиковъ.
- 5) Централизація кредита въ рукахъ государства, посредствомъ національнаго банка, съ государственнымъ капиталомъ и -исключительной монополіей.
- 6) Централизація перевозочныхъ средствъ въ рукахъ государства.
- 7) Увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства; воздѣльваніе и улучшеніе полей по общему плану.
- 8) Одинаковая обязательность труда для всѣхъ, учрежденіе армій труда, въ особенности для земледѣлія.
- 9) Соединеніе земледѣльческаго труда съ фабричнымъ, постепенное уничтоженіе различія между городомъ и деревней.
- 10) Общественное и даровое воспитаніе всѣхъ дѣтей. Устраненіе фабричной работы дѣтей въ современной ея формѣ. Соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.

Когда, со временемъ, уничтожатся различія классовъ, и все производство сосредоточится въ рукахъ ассоціацій — общественная власть потеряетъ свой политическій характеръ. Политическая власть, въ собственномъ смыслѣ этого слова, есть организованная сила извѣстнаго класса, имѣющая цѣлью подчиненіе другого класса. Если пролетаріатъ, въ борьбѣ своей противъ буржуазіи, объединяется, какъ классъ, достигаетъ путемъ революціи господства, и, какъ господствующій классъ, насильственно уничтожаетъ буржуазныя условия произ-

водства, то этимъ онъ уничтожаетъ также и условія существованія антагонизма классовъ, классы — вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное классовое господство.

Мѣсто стараго буржуазнаго общества, съ его классами и антагонизмомъ классовъ, займетъ ассоціація, въ которой свободное развитіе cadaго будетъ условіемъ свободнаго развитія — всѣхъ.

III

Соціалистическая и Коммунистическая Литература

1) РЕАКЦИОННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ

а) Феодалный Соціализмъ.

Призваніе англійской и французской аристократіи, по самому историческому ея положенію, заключалось въ томъ, чтобы писать памфлеты противъ современнаго буржуазнаго общества. Во французской Іюльской революціи 1830 г. и въ англійскомъ движеніи въ пользу парламентской реформы она еще разъ была побѣждена ненавистнымъ ей выскочкой. О серьезной политической борьбѣ не могло быть болѣе и рѣчи. Оставалась только литературная борьба. Но и въ литературѣ говорить языкомъ времени реставраціи было уже не возможно. Чтобы пріобрѣсти сочувствіе, аристократія должна была сдѣлать видъ, что не заботится о своихъ собственныхъ интересахъ и составляетъ свой обвинительный актъ противъ буржуазіи лишь для защиты эксплуатируемаго рабочаго класса. Она доставляла себѣ, такимъ образомъ, удовольствіе сочинять пасквили на своего новаго господина и шептать ему на ухо болѣе или менѣе грозныя пророчества.

Такъ возникъ феодальный соціализмъ, представляющій собою частью жалобу, частью пасквили, частью

возваніе къ прошлому, частью угрозу будущему, по временамъ мѣтко поражающій буржуазію горькимъ, остроумнымъ и ѣдкимъ отзывомъ, но всегда производящій комическое впечатлѣніе полною неспособностью понять ходъ новѣйшей исторіи.

Аристократія потрясала нищенской сумой пролетаріевъ, какъ знаменемъ, чтобы собрать вокругъ себя пародъ. Но слѣдуя за нею, онъ тотчасъ же замѣчалъ на ея снннѣ старые феодальные гербы, и разбѣгался съ громкимъ, непочтительнымъ смѣхомъ.

Часть французскихъ легитимистовъ и „молодая Англія“ разыграли эту комедію наилучшимъ образомъ.

Когда феодалы утверждаютъ, что ихъ способъ эксплуатаціи имѣлъ другой видъ, чѣмъ современная буржуазная эксплуатація, то они забываютъ при этомъ, что они эксплуатировали при совершенно другихъ, нынѣ уже вполнѣ отжившихъ, условіяхъ и обстоятельствахъ. Когда они доказываютъ, что во время ихъ господства не существовало современнаго пролетаріата, то они забываютъ, что именно современная буржуазія была необходимымъ плодомъ ихъ общественнаго строя.

Впрочемъ, они совсѣмъ не скрываютъ реакціоннаго характера своей критики. Главное обвиненіе ихъ противъ буржуазіи именно въ томъ и состоитъ, что господство ея повело къ возникновенію класса, который ниспровергнетъ весь общественный порядокъ.

Они упрекаютъ буржуазію гораздо болѣе въ томъ, что она породила революціонный пролетаріатъ, чѣмъ въ томъ, что она создала пролетаріатъ вообще.

Въ политической практикѣ они принимаютъ, поэтому, участіе во всѣхъ насильственныхъ мѣрахъ противъ рабочаго класса. Въ обыденной жизни, вопреки своимъ напыщеннымъ словоизверженіямъ, они не упускаютъ случая къ наживѣ, и не безъ выгоды обмѣниваютъ свою „преданность“, „любовь“, „честь“ и т. д., на шерсть, свекловицу и водку.

Какъ попъ шелъ всегда рядомъ съ феодаломъ, такъ и поповскій социализмъ не отстаётъ отъ феодальнаго.

Нѣтъ ничего легче, какъ навязать христіанскому ас-

кетизму соціалистическій отбѣнокъ. Развѣ христіанство не возставало также противъ частной собственности и государства? Развѣ не проповѣдывало оно бѣдности и благотворительности, безбрачія и умерщвленія плоти, затворничества и т. п.? Христіанскій соціализмъ есть святая вода, которою попъ кропитъ озлобленіе аристократа.

б) Мелкобуржуазный соціализмъ.

Не одна феодальная аристократія была классомъ испровергнутымъ буржуазіей, классомъ положеніе котораго постоянно ухудшалось въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Средневѣковое мѣщанство и сословіе мелкихъ крестьянъ были предшественниками современной буржуазіи. Въ странахъ менѣе развитыхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, классъ этотъ и до сихъ поръ еще прозябаетъ, рядомъ съ развивающеюся буржуазіей.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ развилась современная цивилизація, образовалось—и, какъ дополнительная часть буржуазнаго общества, постоянно вновь образуется,— мелко-буржуазное среднее сословіе, которое колеблется между пролетаріатомъ и буржуазіей. Но конкуренція постоянно сталкиваетъ принадлежащихъ къ этому классу лицъ въ ряды пролетаріата, и они уже начинаютъ предвидѣть приближеніе того момента, когда, съ развитіемъ крупной промышленности, они совершенно исчезнутъ какъ самостоятельная часть современнаго общества, и въ торговлѣ, мануфактурахъ и земледѣліи замѣнятся надзирателями и наемными служителями.

Въ такихъ странахъ какъ Франція, гдѣ крестьянство составляетъ гораздо болѣе половины всего населенія, естественно было появленіе писателей, которые, становясь на сторону пролетаріата, прикладывали къ буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мѣрку, и защищали дѣло рабочихъ съ мелко-буржуазной точки зрѣнія. Такъ возникъ мелко-буржуазный

соціалізмъ. Симонди стоить во главѣ этого рода литературы не только во Франціи, но также и въ Англии.

Этотъ соціалізмъ прекрасно умѣлъ подмѣтить противорѣчія современныхъ условій производства. Онъ разоблачилъ лицемерный оптимизмъ экономистовъ.

Онъ указалъ на разрушительное дѣйствіе машиннаго производства и раздѣленія труда, на концентрацію капиталовъ и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбѣжный упадокъ мелкой буржуазіи и крестьянства, на нищету пролетаріата, анархію въ производствѣ, вопіющія несправедливости въ распредѣленіи, на раззорительную промышленную войну націй между собою, разложеніе старыхъ нравовъ, старыхъ семейныхъ отношеній и старыхъ національностей.

Положительная сторона требованій этого соціализма заключается или въ возстановленіи старыхъ способовъ производства и обмѣна, а вмѣстѣ съ ними старыхъ имущественныхъ отношеній и стараго общественнаго строя; или стремится онъ насильно удержать современные способы производства и обмѣна въ рамкѣ старыхъ имущественныхъ отношеній, которыя они уже разбили и необходимо должны были разбить. Въ обоихъ случаяхъ онъ является реакціоннымъ и утопическимъ одновременно.

Цеховая организація промышленности и патріархальное сельское хозяйство являются послѣднимъ его словомъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, направленіе это перешло въ трусливыя жалобы на современное положеніе дѣлъ.

в) Нѣмецкій или „истинный“ соціалізмъ.*)

Соціалистическая и коммунистическая французская литература, возникшая подъ давленіемъ буржуазнаго.

*) Мы напоминаемъ читателю, что критика соціалистической литературы доходитъ, въ Манифестѣ, лишь до 1847 года. Поэтому все, сказанное въ немъ о „нѣмецкомъ соціалізмѣ“, ни въ какомъ случаѣ не относится къ современной нѣмецкой соціаль-демократіи.

господства и служившая литературнымъ выраженіемъ борьбы противъ этого господства, проникла въ Германію въ то время, когда тамошняя буржуазія только что начала свою борьбу противъ феодальнаго абсолютизма.

Нѣмецкіе мудрецы, философы и полуфилософы съ жадностью набросились на эту литературу и забыли лишь то, что французскія отношенія не были перенесены въ Германію вмѣстѣ съ французскою литературою. При тогдашнемъ общественномъ строѣ Германіи, эта французская литература лишилась всякаго непосредственнаго практическаго значенія и приняла характеръ простаго литературнаго теченія. Она по необходимости явилась тамъ празднымъ умозрѣніемъ о сущности человѣка. Такъ, требованія первой французской революціи для нѣмецкихъ философовъ XVIII столѣтія имѣли смыслъ лишь какъ общія требованія „практическаго разума“, и стремленія революціонной французской буржуазіи представлялись имъ законами „чистой воли“, воли, какъ она должна быть, истинной человѣческой воли.

Все дѣло нѣмецкихъ литераторовъ состояло въ томъ, чтобы новыя французскія идеи согласовать съ ихъ старымъ философскимъ настроеніемъ, или вѣрнѣе въ томъ, чтобы усвоить французскія идеи, оставаясь на своей старой философской точкѣ зрѣнія.

Это усвоеніе совершилось такимъ же путемъ, какимъ происходитъ усвоеніе иностраннаго языка, т. е. посредствомъ перевода.

Извѣстно, что на манускриптахъ, содержавшихъ въ себѣ классическія произведенія древняго языческаго міра, монахи записывали нелѣпыя исторіи католическихъ святыхъ. Нѣмецкіе писатели поступили какъ разъ наоборотъ съ французскою литературою. Позади французскаго оригинала они вставили свои философскія бессмыслицы. Такъ, на примѣръ, изъ за французской критики денежнаго хозяйства у нихъ выступало „отчужденіе человѣческой сущности“, позади французской критики буржуазнаго государства красовалось „уничтоженіе господства абстрактно Всеобщаго“ и т. д.

Эту подмѣну французской дѣйствительности философ-

скими словоизверженіями они окрестили „Философіей дѣла“, „истиннымъ соціализмомъ“, „нѣмецкой наукой соціализма“, „Философскимъ обоснованіемъ соціализма“ и т. д.

Французская соціалистическая и коммунистическая литература потеряла, такимъ образомъ, всякое серьезное содержаніе. И такъ какъ, въ рукахъ нѣмцевъ, она перестала выражать борьбу одного класса противъ другого, то нѣмцы и вообразили себя призванными пополнить „Французскую односторонность“, и отстаивать вмѣсто истинныхъ потребностей — потребность въ истинѣ, вмѣсто интересовъ пролетаріата — интересы сущности человѣка, человѣка вообще, не принадлежащаго къ какому либо классу, и существующаго, поэтому, не въ дѣйствительности, а въ туманной области философской фантази.

Этотъ нѣмецкій соціализмъ, такъ громко и важно кричавшій о своихъ жалкихъ схоластическихъ измышленіяхъ, лишился, однако, мало по малу своей педантической невинности.

Борьба нѣмецкой, и именно прусской, буржуазіи противъ феодаловъ и королевскаго абсолютизма, словомъ, либеральное движеніе приняло болѣе значительные размѣры.

„Истинному“ соціализму представился, такимъ образомъ, желанный случай противопоставить политическому движенію соціалистическія требованія, расточать традиціонныя проклятія либерализму, представителю правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству, и проповѣдовать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять. Нѣмецкій соціализмъ весьма кстати забывалъ о томъ, что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣетъ въ виду современное буржуазное общество, съ соответствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е. именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще пла рѣчь въ Германіи.

Нѣмецкимъ абсолютнымъ правительствамъ, со всею ихъ свитою поповъ, школьныхъ учителей, помѣщиковъ и бюрократовъ, онъ служилъ очень удобнымъ пугаломъ. противъ буржуазіи, съ ея грозными требованіями.

Онъ представлялъ собою пріятное дополненіе къ не-пріятнымъ расправамъ съ помощью пуль и плетей, которыми эти правительства подавляли возстанія нѣмецкихъ работниковъ.

Если „истинный“ социализмъ былъ, такимъ образомъ, въ рукахъ правительства оружіемъ противъ нѣмецкой буржуазіи, то онъ служилъ, въ тоже время, непосредственнымъ выраженіемъ реакціонныхъ интересовъ мелкаго нѣмецкаго мѣщанства. Унаслѣдованный еще отъ XVI столѣтія, и съ того времени всегда умѣвшій отстоять свое существованіе въ той или другой формѣ, классъ мелкихъ горожанъ является главной основой современныхъ общественныхъ отношеній въ Германіи.

Сохраненіе этого класса равносильно сохраненію современнаго нѣмецкаго общественнаго строя. Онъ стра-шится промышленнаго и политическаго господства бур-жуазіи потому, что оно несомнѣнно приведетъ его къ гибели, благодаря конкуренціи капиталовъ, съ одной стороны, и возникновенію класса революціоннаго про-летаріата — съ другой. „Истинный“ социализмъ былъ, по мнѣнію мелкаго мѣщанства, способенъ однимъ зарядомъ убить обоихъ зайцевъ. И онъ распространялся подобно эпидеміи.

Тяжелый покровъ, въ который закутывали нѣмецкіе социалисты свои двѣ-три окостѣвшія „вѣчныя истины“, этотъ сотканный изъ умозрительной паутины, убранный цвѣтами краснорѣчиваго мудрствованія и смоченный сле-зами умиленія покровъ, — только способствовалъ сбы-ту ихъ товара у подобной публики.

Съ своей стороны, нѣмецкій социализмъ все болѣе со-знавалъ свое призваніе — быть высокопарнымъ защит-никомъ этого мѣщанства. Онъ провозгласилъ нѣмецкую націю нормальной націей, а нѣмецкаго мѣщанина нор-мальнымъ человѣкомъ. Въ каждой мѣщанской низости онъ видѣлъ скрытый, высшій социалистическій смыслъ,

который обращалъ ее въ нѣчто совершенно ей противоположное. Послѣдовательный до конца, онъ открыто выступилъ противъ „дикого-разрушительнаго“ коммунистическаго направленія, объявивши, что стоитъ выше всякой борьбы классовъ. За весьма немногими исключеніями, всѣ циркулирующія въ Германіи, такъ называемыя социалистическія и коммунистическія сочиненія принадлежатъ къ области этой грязной, развращающей литературы.

2) КОНСЕРВАТИВНЫЙ ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ.

Извѣстная часть буржуазіи желаетъ устранить социальные бѣдствія, чтобы упрочить существованіе буржуазнаго общества.

Къ ней принадлежатъ экономисты, филантропы, гуманные люди, стремящіеся улучшить положеніе рабочаго класса, организаторы благотворительныхъ учреждений, покровители животныхъ, учредители обществъ трезвости, крохотные реформаторы всевозможныхъ сортовъ. Этотъ буржуазный социализмъ создалъ даже цѣлыя системы.

Для примѣра укажемъ на Прудоновскую *Philosophie de la Misère*.

Послѣдователи этого социализма хотятъ сохранить всѣ современные общественныя отношенія, устранивши борьбу и опасности, составляющія необходимое ихъ слѣдствіе. Они хотятъ имѣть современное общество, безъ революціонныхъ и разрушительныхъ его элементовъ. Они хотятъ буржуазіи безъ пролетаріата. Буржуазіи, естественно, кажется лучшимъ изъ міровъ тотъ міръ, въ которомъ она господствуетъ. Буржуазный социализмъ возводитъ это радужное представленіе въ болѣе или менѣе полную систему. Предлагая пролетаріату осуществить его системы и вступить, такимъ образомъ, въ новый Іерусалимъ, этотъ социализмъ, въ сущности, требуетъ, чтобы рабочій продолжалъ жить въ буржуазномъ обществѣ, но пересталъ его ненавидѣть.

Другая, менѣе систематическая и болѣе практическая,

форма этого социализма старается отвлечь рабочих от всякаго революціоннаго движенія, утверждая, что не тѣ или другія политическія измѣненія, но лишь преобразованіе матеріальныхъ условій жизни, экономическихъ отношеній, можетъ принести пользу рабочему классу. Но подъ преобразованіемъ матеріальныхъ условій жизни этотъ социализмъ понимаетъ далеко не уничтоженіе буржуазныхъ условій производства, возможное только путемъ революціи. Онъ имѣетъ въ виду административныя улучшенія, совершающіяся на почвѣ этой же самой организаціи производства, слѣдовательно, ничего не измѣняющія въ отношеніяхъ капитала къ наемному труду, и, въ крайнемъ случаѣ, только уменьшающія для буржуазіи издержки ея господства и упрощающія ея государственное хозяйство.

Самое подходящее для себя выраженіе буржуазный социализмъ находитъ лишь тогда, когда онъ превращается въ простую риторическую фигуру.

Свободная торговля, въ интересахъ рабочаго класса! Покровительственный тарифъ, въ интересахъ рабочаго класса! Одинокое тюремное заключеніе, въ интересахъ рабочаго класса: это — послѣднее, единственное нелицемѣрно произнесенное, слово буржуазнаго социализма.

Весь буржуазный социализмъ заключается въ повтореніи того, что буржуа сдѣлались буржуа единственно въ интересахъ рабочаго класса.

3) КРИТИЧЕСКИ-УТОНИЧЕСКІИ СОЦІАЛИЗМЪ

И

КОММУНИЗМЪ

Мы не говоримъ здѣсь о литературѣ, которая во всѣхъ большихъ революціяхъ новѣйшаго времени выражала требованія пролетаріата (сочиненія Бабѳа и т. п.).

Первыя попытки пролетаріата доставить непосредственное торжество своимъ интересамъ, эти попытки, имѣвшія мѣсто во время всеобщаго возбужденія умовъ, въ періодъ низверженія феодальнаго строя, необходимо

должны были разбиться, благодаря неразвитому состоянію самого пролетаріата и недостатку матеріальныхъ условій его освобожденія: условія эти сами являются продуктомъ лишь буржуазной эпохи. Революціонная литература, сопутствовавшая этимъ первымъ движеніямъ пролетаріата, по своему содержанію необходимо являлась реакціонной. Она проповѣдывала всеобщій аскетизмъ и установленіе первобытнаго равенства.

Собственно соціалистическія и коммунистическія системы, системы Сень-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. появились въ первый, неразвитый періодъ борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей, о которомъ мы говорили выше (см. главу Буржуазія и Пролетаріатъ).

Творцы этихъ системъ видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣятельности, никакого, свойственнаго ему политическаго движенія.

Такъ какъ развитіе антагонизма классовъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности, то въ свое время они не могли еще найти матеріальныхъ условій освобожденія пролетаріата. Они надѣялись пополнить этотъ недостатокъ открытіемъ соціальныхъ законовъ, созданіемъ новой соціальной науки.

Мѣсто общественной самодѣятельности должна была заступитъ ихъ собственная творческая дѣятельность, мѣсто историческихъ условій освобожденія должны были занять условія фантастическія, мѣсто постепенно подвигающейся впередъ классовой организаціи пролетаріата — общественная организація ихъ собственнаго изобрѣтенія. Дальнѣйшая исторія всего міра сводилась для нихъ къ пропагандѣ и практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ.

При этомъ они понимали, правда, что съ своими планами они являются выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса, какъ болѣе другихъ страдающаго. Но только въ этомъ качествѣ, болѣе дру-

гихъ страдающаго класса и существовалъ для нихъ пролетаріатъ

Неразвитое состояніе борьбы классовъ, равно какъ и собственное ихъ общественное положеніе, приводили ихъ къ убѣжденію, что они должны стоять выше всякаго антагонизма классовъ. Они хотѣли улучшить положеніе всѣхъ членовъ общества, не исключая самыхъ высокопоставленныхъ; поэтому они обращались всегда безразлично ко всему обществу, и даже преимущественно къ господствующему классу. По ихъ мнѣнію, достаточно было понять ихъ системы, чтобы немедленно признать ихъ наилучшими планами наилучшаго общественного устройства.

Они отказывались, поэтому, отъ всякой политической, и въ особенности отъ всякой революціонной дѣятельности; они стремились достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ, и посредствомъ маленькихъ, естественно неудавшихся, экспериментовъ, они хотѣли силою примѣра проложить путь новому общественному евангелію.

Фантастическія описанія будущаго общества явились на свѣтъ въ то время когда пролетаріатъ находился еще въ очень неразвитомъ состояніи, и представлялъ себѣ свое положеніе еще совершенно фантастически. Они соотвѣтствуютъ его первому, полному предчувствію, порыву къ совершенному переустройству общества.

Но въ этихъ социалистическихъ и коммунистическихъ произведеніяхъ заключаются также и критическіе элементы. Они затрогиваютъ всѣ основанія существующаго общества. Въ этомъ отношеніи они доставили драгоцѣнный матеріалъ для просвѣщенія рабочихъ. Положительная сторона ихъ ученій о будущемъ обществѣ, напримѣръ уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней, уничтоженіе семьи, частной собственности, наемнаго труда, провозглашеніе общественной гармоніи, превращеніе государства въ простое управленіе производствомъ, — всѣ эти положенія выражаютъ лишь необходимость устраненія того антагонизма классовъ, который только что начиналъ тогда развиваться и былъ имъ извѣстенъ лишь въ

своемъ первичномъ, неопредѣленномъ видѣ. Потому и положенія эти имѣютъ еще совершенно утопическій характеръ.

Значеніе критически-утопическаго социализма и коммунизма стоитъ въ обратномъ отношеніи къ ходу историческаго развитія. Въ той же самой степени, въ какой развивается и принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ борьба классовъ, лишается всякаго практическаго смысла и всякаго теоретическаго оправданія это фантастическое стремленіе возвыситься надъ нею, это фантастически-отрицательное къ ней отношеніе. Если основатели этихъ системъ и были во многихъ отношеніяхъ революціонерами, то ученики ихъ представляютъ собою совершенно реакціонныя секты. Они неизмѣнно держатся образа мыслей своихъ учителей, игнорируя весь дальнѣйшій ходъ развитія пролетаріата. Вслѣдствіе этого, они стараются смягчить борьбу классовъ и устранить ихъ антогонизмъ. До сихъ поръ еще пытаются они осуществить свои утопіи путемъ учрежденія отдѣльныхъ фаланстеровъ, заведенія коммунистическихъ колоній, маленькихъ Икарій — этого карманнаго изданія новаго Іерусалима. Для постройки всѣхъ этихъ воздушныхъ замковъ они вынуждены вызывать къ челолюбію буржуазныхъ сердець и копельковъ. Мало по малу переходятъ они въ категорію описанныхъ выше реакціонныхъ и консервативныхъ социалистовъ, отличаюсь отъ нихъ только болѣе систематическимъ педантизмомъ и фанатическою вѣрою въ чудесное свойство своей социальной науки.

Вотъ почему съ такимъ ожесточеніемъ выступаютъ они противъ всякаго политическаго движенія рабочихъ, вызываемаго, по ихъ мнѣнію, лишь слабымъ невѣріемъ въ новое евангеліе

Послѣдователи Оуэна выступаютъ противъ чартистовъ въ Англіи, Фурьеристы — противъ избирательной реформы во Франціи.

IV

Отношеніе Коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ

Послѣ того, что было сказано во второй главѣ, отношеніе коммунистовъ къ различнымъ, существующимъ уже, рабочимъ партіямъ понятно само собою, а слѣдовательно понятно, и отношеніе ихъ къ чартистамъ въ Англіи и сторонникамъ аграрной реформы въ сѣверной Америкѣ.

Они борются во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, но въ то же время они отстаиваютъ и будущность движенія. Во Франціи коммунисты примыкаютъ къ социаль-демократической партіи, противъ консервативной и радикальной буржуазіи, при этомъ не отказываясь, однако, отъ права критически относиться къ традиціоннымъ фразамъ и иллюзіямъ. Въ Швейцаріи они поддерживаютъ радикаловъ, помня въ то же время, что эта партія состоитъ изъ противоположныхъ элементовъ: частью изъ социаль-демократовъ во французскомъ смыслѣ, частью изъ радикальныхъ буржуа.

Въ Польшѣ коммунисты поддерживаютъ партію, ставящую аграрную революцію необходимымъ условіемъ національнаго освобожденія, ту самую партію, которая вызвала краковское возстаніе 1846 года.

Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной, въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной поземельной собственности и мелкаго мѣщанства.

Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Она хочетъ, чтобы общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борь-

ба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи.

На Германію коммунисты обращаютъ главное свое вниманіе, потому что она находится наканунѣ буржуазной революціи; этотъ переворотъ совершится въ ней при гораздо далѣе подвинувшихся впередъ условіяхъ европейской цивилизаціи вообще, и застанетъ пролетаріатъ въ гораздо болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ былъ онъ въ Англии XVII и во Франціи XVIII столѣтія. Нѣмецкая буржуазная революція можетъ послужить, такимъ образомъ, лишь непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи.

Словомъ, коммунисты повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній.

Въ каждомъ изъ этихъ движеній они выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о собственности, — хотя бы она и не вездѣ являлась въ одинаково развитой формѣ — какъ основной вопросъ всего движенія.

Наконецъ, коммунисты повсюду стремятся къ соединенію и соглашенію демократическихъ партій всѣхъ странъ.

Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои воззрѣнія и намѣренія. Они открыто объявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго ниспроверженія всего современнаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы содрогаются передъ коммунистической революціей. Пролетаріи ничего не могутъ въ ней потерять, кромѣ своихъ цѣлей. Приобрѣтутъ же они цѣлый міръ.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

ПРИЛОЖЕНІЯ

I

Рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей.

Централизованная государственная власть, съ ея вездѣсущими органами — постоянной арміей, полиціей, бюрократіей, духовенствомъ, судебнымъ сословіемъ, этими органами, приспособленными къ іерархической и систематической работѣ—получила начало во времена абсолютной монархіи, когда она служила нарождавшемуся буржуазному обществу могучимъ оружіемъ въ борьбѣ его противъ феодализма. Развитие ея замедлялось, однако, всевозможнымъ средневѣковымъ уламомъ, въ видѣ исключительныхъ правъ дворянства и землевладѣльцевъ, мѣстныхъ привилегій, городскихъ и цеховыхъ монополій и различныхъ особенностей провинціального устройства. Исполнительная ветвь французской революціи восемнадцатаго столѣтія выметъ все эти остатки прошлаго и очистила, такимъ образомъ, общественную почву отъ послѣднихъ препятствій, мѣшавшихъ окончанію современнаго государственнаго зданія. Постройку этого зданія закончила первая имперія, которая, въ свою очередь, была вызвана къ жизни коалиціонными войнами старой, полуфеодалной Европы противъ обновленной Франціи. При послѣдующихъ правительственныхъ формахъ, государственная власть была поставлена подъ парламентскій контроль, т. е. подъ непосредственный контроль имущихъ классовъ. Съ одной стороны, она превратилась тогда въ теплицу, въ которой росли колоссальные государственные долги и раззорительные налоги, и сдѣлалась яблокомъ раздора для различныхъ авантюристовъ и фракцій господствующихъ классовъ, спорившихъ между собою изъ-за доходныхъ мѣстъ, чиновъ и должностей. Съ другой стороны, политическій характеръ ея измѣнялся одновременно съ измѣненіями въ экономическомъ строѣ общества. Въ той же самой степени, въ какой прогрессъ современной промышленности

развивалъ, расширяялъ и углубляялъ противоположность между трудомъ и капиталомъ, въ той же степени государственная власть принимала характеръ общественной силы, направленной на угнетеніе труда, дѣлалась орудіемъ классоваго господства. Послѣ каждой изъ тѣхъ революцій, которыми ознаменовалось развитіе борьбы классовъ, угнетающій характеръ государственной власти дѣлался болѣе и болѣе очевиднымъ. Революція 1830 года перенесла центръ тяжести правительственной власти отъ землевладѣльцевъ къ капиталистамъ, т. е. отъ болѣе отдаленныхъ къ непосредственнымъ врагамъ рабочихъ. Буржуазные республиканцы, захватившіе власть во имя февральской революціи, воспользовались ею для Іюньской бойни, чтобы доказать рабочему классу, что „соціальная“ республика означаетъ лишь соціальное угнетеніе его республикой. Монархически-настроенной массѣ буржуазіи и землевладѣльцевъ эти республиканцы доказали въ то же время, что она спокойно можетъ предоставить имъ правительственныя заботы и доходныя мѣста. Послѣ этого единственнаго геройскаго ихъ подвига, буржуазнымъ республиканцамъ оставалось только отступить изъ первыхъ—въ послѣдніе ряды „партіи порядка“, этой коалиціи, образовавшейся изъ различныхъ, соперничающихъ между собою шайкъ и фракцій эксплуатирующаго класса, открыто выступившаго теперь противъ класса производительнаго. Самой подходящей, для ихъ совмѣстнаго правленія, формой была парламентская республика съ Луи Бонапартомъ въ качествѣ президента, — правительство открытаго классоваго терроризма и умышленныхъ оскорбленій „подлой черни“ (*vile multitude*). Если парламентская республика — какъ сказалъ Тьеръ — наименѣе раздѣляла различныя фракціи господствующаго класса, то она вырыла цѣлую пропасть между этимъ классомъ и всѣмъ остальнымъ обществомъ, которое стояло вѣдь его рѣдкихъ рядахъ. Ограниченія, которыя налагались прежде на государственную власть несогласіями различныхъ фракцій этого класса, пали теперь сами собою. Въ виду занятаго пролетаріатомъ угрожающаго положенія, господствующій классъ дерзко и беззапѣчливо пользовался теперь государственной властью, какъ національнымъ орудіемъ капитала противъ труда. Но этотъ непрерывный крестовый походъ противъ производительной части общества вынуждалъ его предоставлять исполнительной власти все большую и большую силу угнетенія; онъ заставилъ его также лишиться всѣхъ средствъ обороны противъ исполнительной власти собственной своей парламентскую крѣпость — Національное Собраніе. Исполнительная власть, въ лицѣ Луи Бонапарта, разогнала это Собраніе. Вторая имперія была роднымъ дѣтищемъ республики „партіи порядка“.

Имперія, съ государственнымъ переворотомъ въ качествѣ свидѣтельства о рожденіи и всеобщимъ голосованіемъ, въ качествѣ законнаго его удостовѣренія, съ саблей въ качествѣ

скипетра, — увѣряла, что опирается на крестьянъ, эту огромную массу производителей, не приписавшую непосредственнаго участія въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ.

Она увѣряла, что спасаетъ рабочій классъ, уничтожая парламентаризмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и открытое подчиненіе правительства имущимъ классамъ. Она увѣряла, что спасаетъ имущіе классы, поддерживая ихъ экономическое господство надъ рабочими; наконецъ, имперія увѣряла, что примиряетъ всѣ классы общества, оживляя обманчивый призракъ національной славы. Въ дѣйствительности, она была единственно возможной формой правительства въ то время, когда буржуазія уже утратила способность господствовать надо всей націей, а рабочій классъ еще не приобрѣлъ этой способности. Весь міръ провозгласилъ ее спасительницей общества. Во время ея господства, буржуазное общество, избавленное отъ всякихъ политическихъ заботъ, достигло неожиданнаго для него самаго развитія. Его промышленность и торговля возросли въ неувѣроятной степени; финансовая спекуляція безпрепятственно предавалась своимъ космополитическимъ оргіямъ; нищета рѣзко выдѣлялась рядомъ съ блестящей, пресыщенной и безстыдной роскошью. Государственная власть, повидимому, высоко стоявшая надъ обществомъ, въ сущности сама была скальдальфѣйнимъ изъ всѣхъ скадаловъ этого общества, источникомъ его заразы. Ея собственное разложеніе и разложеніе „спасеннаго“ ею общества было, наконецъ, разоблачено лтыками Пруссіи, которая сама горѣла желаніемъ перенести центръ тяжести этого режима изъ Парижа въ Берлинъ. Имперіализмъ есть самый развращенный и, въ тоже время, послѣдній видъ той государственной власти, которую вызвало къ жизни нарождающееся буржуазное общество, какъ оружіе своего освобожденія отъ гнета феодализма, и которую окончательно сложившееся буржуазное общество обратило въ орудіе угнетенія труда капиталомъ.

Прямую противоположностью имперіи была Коммуна. Крикъ „да здравствуютъ социальная республика“, съ которымъ парижскій пролетаріатъ совершилъ Февральскую революцію, выражалъ собою лишь неопредѣленное стремленіе къ такой республикѣ, которая не только устранила бы монархическую форму классоваго господства, но положила бы конецъ всякому господству классовъ. Коммуна была опредѣлившейся формой такой республики.

Парижъ, средоточіе и мѣстопробываніе старой государственной власти, и въ то же время общественный центръ тяжести французскаго рабочаго класса, Парижъ съ оружіемъ въ рукахъ возсталъ противъ попытки Тьера и его клики возстановить и увѣковѣчить старую, завѣщанную имперіей форму государственной власти. Парижъ могъ сопротивляться только потому, что, вслѣдствіе осады, армія была распущена и мѣсто ея заняла національная гвардія, состоявшая преимущественно изъ рабо-

чихъ. Это временное обстоятельство нужно было теперь обратить въ постоянное учрежденіе. Первый декретъ Коммуны предписывалъ уничтоженіе постоянной арміи и замѣну ея вооруженнымъ народомъ.

Коммуна образовалась изъ муниципальных совѣтниковъ; выбранныхъ всеобщей подачею голосовъ, во всѣхъ округахъ Парижа. Они были отвѣтственными и смѣняемыми. Большинство ихъ состояло, разумѣется, изъ рабочихъ или изъ извѣстныхъ сторонниковъ рабочаго класса. Коммуна должна была представлять собою не только парламентскую, но и трудящуюся корпорацію, исполнительную и законодательную въ одно и тоже время. Полиція, бывшая до тѣхъ поръ орудіемъ государственной власти, немедленно лишена была всѣхъ своихъ политическихъ функцій, и превратилась въ отвѣтственное и смѣняемое орудіе Коммуны. Также поступила Коммуна и съ чиновниками всѣхъ другихъ отраслей управленія. Всѣ, начиная съ членовъ самой Коммуны, должны были исполнять общественную службу за обыкновенную рабочую плату. вмѣстѣ съ высшими сановниками исчезли и ихъ огромныя оклады. Общественныя должности перестали быть привилегіей лакеевъ центральнаго правительства. Не только городское управленіе, но и всѣ, до тѣхъ поръ исполнявшіяся государствомъ, функціи переданы были въ руки Коммуны.

Уничтоживши постоянную армію и полицію, эти орудія материальной власти стараго правительства, Коммуна немедленно пошла далѣе и разбила духовное орудіе угнетенія, силу поповъ. Она декретировала распущеніе и экспропріацію всѣхъ церковныхъ корпорацій, по скольку онѣ являлись обладающими собственностью юридическими лицами. Попы должны были вернуться къ скромной частной жизни и, по примѣру своихъ предшественниковъ - апостоловъ, питаться подаеніемъ вѣрующихъ. Всѣ учебныя заведенія были бесплатно открыты народу и избавлены отъ вмѣнательства церкви и государства. Благодаря этому, не только школьное образованіе сдѣлалось доступнымъ для каждаго, но и самая наука освобождена была отъ цѣпей, наложенныхъ на нее классовыми предрасудками и правительственною властью.

Судебное сословіе лишилось своей мнимой независимости, которая только прикрывала собою его подчиненіе всѣмъ, слѣдовавшимъ одно за другимъ, правительствамъ, которымъ оно попеременно, то присягало въ вѣрности, то измѣняло. Какъ и всѣ остальные слуги общества, судьи сдѣланы были выборными, отвѣтственными и смѣняемыми.

Парижская Коммуна, естественно, должна была служить образцомъ для всѣхъ промышленныхъ центровъ Франціи. Какъ только коммунальное устройство введено было бы въ Парижъ и во второстепенныхъ центрахъ, старый централистическій строй и въ провинціяхъ уступилъ бы мѣсто самоуправленію

производителей. Въ краткомъ очеркѣ предполагавшейся національной организаціи, который Коммуна не имѣла времени разработать подробнѣе, прямо говорится, что коммуна должна быть политической формой каждой, даже самой незначительной деревни, и что постоянное войско должно быть замѣнено въ деревняхъ народной милиціей, съ самымъ короткимъ срокомъ службы. Деревенскія общины каждого округа должны были поручить завѣдывашіе общинами всѣмъ имъ дѣлами собранію уполномоченныхъ въ главномъ городѣ округа; это окружное собраніе, въ свою очередь, должно было посылать уполномоченныхъ въ Национальное Собраніе Делегатовъ въ Парижѣ. Уполномоченные должны были получать строго опредѣленныя инструкціи отъ своихъ избирателей и могли быть отозваны ими въ каждую данную минуту. Не многія, но важныя функціи, которыя должны были бы остаться тогда въ вѣдѣніи центрального правительства, не были бы уничтожены — какъ это завѣдомо ложно утверждали враги коммуны — но были бы переданы коммунальнымъ должностнымъ лицамъ. Единство націи не было бы нарушено; напротивъ, оно было бы организовано, благодаря коммунальному устройству; оно стало бы, наконецъ, дѣйствительностью, благодаря уничтоженію той государственной власти, выдававшей себя за воплощеніе этого единства, которая хотѣла стоять выше націи и въ всякой зависимости отъ нея, хотя въ сущности представляла собою лишь паразитный паростъ на національномъ тѣлѣ. Между тѣмъ какъ органы, которые служили старой государственной власти лишь для угнетенія, были бы уничтожены, ея полезныя функціи были бы отняты у нея, какъ у силы, желавшей стать выше общества, и переданы отвѣтственнымъ слугамъ этого общества. Вмѣсто того, чтобы одинъ разъ въ періодъ отъ трехъ до шести лѣтъ рѣшать, какой изъ членовъ господствующаго класса долженъ представлять и угнетать народъ въ парламентѣ, всеобщее голосованіе должно было служить организованному въ коммуны народу для того же, для чего служить каждому работодателю его право выбора: назначать работниковъ, надсмотрщиковъ и бухгалтеровъ для веденія своего дѣла. И давно уже доказано, что цѣлыя общества, также хорошо, какъ и отдѣльныя личности, умѣютъ находить необходимыхъ для ихъ дѣла людей. Если же они иногда и ошибаются, то скоро умѣютъ поправить свою ошибку. Съ другой стороны, ничто не могло быть болѣе чуждымъ духу Коммуны, какъ стремленіе замѣнить всеобщее голосованіе іерархическими учрежденіями.

Всякое новое историческое явленіе принимаютъ, обыкновенно, за простую копію со старыхъ или даже отжившихъ формъ обществитія, которыя оно до извѣстной степени напоминаетъ собою. Такимъ образомъ, на новую Коммуну, которая являлась отрицаніемъ современной государственной власти, смотрѣли какъ на попытку возстановить средневѣковыя коммуны, кото-

рыя предшествовали развитію этой власти и легли потомъ въ ея основу. На коммунальное устройство смотрѣли какъ на стремленіе замѣнить союзомъ маленькихъ государствъ—о которомъ мечтали Монтескье и жирондисты—то единство великихъ народовъ, которое возникло, правда, путемъ насилія, но теперь сдѣлалось могущественнымъ факторомъ общественнаго производства. На противоположность между Коммуной и государственной властью смотрѣли, какъ на отжившую форму старой борьбы противъ крайней централизаціи.

Но мы видимъ, что въ другихъ странахъ извѣстнымъ образомъ сложившіяся историческія отношенія помѣшали тому классическому развитію буржуазной формы государственнаго строя, которое имѣло мѣсто во Франціи. Они способствовали тому, что большіе центральные государственные органы дополняются, какъ это мы видимъ въ Англии, развращенными приходскими собраніями, барышничавшими муниципальными совѣтами, свирѣпыми попечительствами о бѣдныхъ—въ городахъ, и наследственными, въ сущности, мировыми судьями, въ деревняхъ. Коммуна была одинаково далека и отъ этого строя. Въ противоположность ему, она вернула бы общественному организму все тѣ силы, которыя поглощались до сихъ поръ паразитной наростью — „Государство“, питающей на счетъ общества и мѣшающей его свободному развитію. Однимъ этимъ она выдвинула бы Францію на путь возрожденія

Средній классъ провинціальныхъ городовъ видѣлъ въ Коммунѣ попытку возстановленія того господства его надъ деревней, которымъ онъ пользовался при Луи Филиппѣ, и которое, при Луи Бонапартѣ, уступило мѣсто кажущемуся господству деревни надъ городомъ. Въ дѣйствительности же коммунальное устройство поставило бы деревенскихъ производителей подъ духовное руководство окружныхъ городовъ, и дало бы имъ тамъ, въ лицѣ городскихъ рабочихъ, естественныхъ представителей ихъ интересовъ. Самый фактъ существованія Коммуны обусловилъ бы — какъ ничто само собою понятное — мѣстное самоуправленіе, но уже не въ качествѣ противовѣса государственной власти, которая стала бы излишней. Только какому нибудь Бисмарку могла придти мысль приписать Парижской Коммунѣ намѣреніе перенести во Францію прусское городское устройство, представляющее собою каррикатуру стараго французскаго городского устройства 1791 года, и низводящее городское управленіе до степеніи ничтожнаго колеса въ прусской государственной машинѣ. Уничтоживши два величайшихъ источника расходовъ, армію и чиновничество, Коммуна осуществила бы, наконецъ, лозунгъ всѣхъ буржуазныхъ революцій, «дешевое правительство». Одинъ фактъ ея существованія предполагалъ уже несуществованіе монархіи, которая, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, служитъ обычнымъ балластомъ и прикрытіемъ классоваго господства. Она строила республику на основѣ истинно-демократи-

ческихъ учреждений. Но ни „дешевое правительство“, ни „истинная республика“ не были ея конечною цѣлью; и первое и второе являлись мимоходомъ и сами собой.

Разнообразіе толковъ, которые вызвала Коммуна, и разнообразіе интересовъ, которые нашли въ ней свое выраженіе, доказываютъ, что она была чрезвычайно растяжимой политической формой. Всѣ предшествующія правительственныя формы были угнетающими, по своему существу. Истинное значеніе Коммуны заключается въ томъ, что она была правительствомъ рабочаго класса, результатомъ борьбы между эксплуатирующимъ и производящимъ классами, найденною, наконецъ, политической формой, при которой можетъ совершиться экономическое освобожденіе труда.

Въ этого послѣдняго условія, Коммуна была бы невозможностью и обманомъ. Политическое господство производителя не можетъ существовать рядомъ съ увѣковѣченіемъ его социальнаго порабощенія. Коммуна должна была служить рычагомъ для низверженія того экономическаго основанія, на которомъ держатся классы и классовое господство. Когда совершится освобожденіе труда, каждый человѣкъ сдѣлается работникомъ, и производительный трудъ не будетъ уже классовою особенностью.

II

УСТАВЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХЪ

Принимая во вниманіе:

Что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ; что, борясь за свое освобожденіе, рабочіе должны стремиться не къ созданію новыхъ привилегій, но къ установленію равныхъ для всѣхъ правъ и обязанностей, и къ уничтоженію всякаго классоваго господства;

что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства, во всѣхъ его видахъ: нищеты, умственного отупѣнія и политической зависимости;

что, поэтому, экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство;*)

что всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными, вслѣдствіе недостатка единодушія между рабочими различныхъ отраслей труда въ каждой странѣ, и — отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ;

что освобожденіе рабочихъ является не мѣстной только, или національной задачей, но напротивъ, затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу;

что движеніе, которое возобновляется теперь въ наиболѣе промышленныхъ странахъ Европы, вызывая новыя надежды, даетъ, вмѣстѣ съ этимъ, торжественное предостереженіе противъ старыхъ ошибокъ, и заставляетъ стремиться къ объединенію всѣхъ, пока еще разрозненныхъ, усилий.

*) Впослѣдствіи, на Лозаннскомъ конгрессѣ 1867 г., была принята формулировка нѣсколько отличная отъ приведенной въ текстѣ: было рѣшено, что „соціальное освобожденіе рабочаго класса невысказано безъ политическаго его освобожденія“.

Въ виду вышесказаннаго основывается Международное Товарищество Рабочихъ. Оно объявляетъ:

что всё, примыкающія къ нему общества и отдѣльныя личности принимаютъ истину, справедливость и нравственность за основу своихъ отношеній ко всемъ людямъ, независимо отъ ихъ расы, религiи или національности; не должно быть обязанностей безъ правъ, правъ — безъ обязанностей.

Въ этомъ же духѣ выработанъ слѣдующій ниже Уставъ.

Ст. 1. Товарищество основано для того, чтобы создать центральный пунктъ соединенія и совмѣстнаго дѣйствiя рабочихъ обществъ, существующихъ въ различныхъ странахъ и стремящихся къ одной цѣли, именно: ко взаимной поддержкѣ, развитiю и полному освобожденiю рабочаго класса.

Ст. 2. Это товарищество называется Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ.

Ст. 3. Ежегодно собирается общiй рабочiй Конгрессъ, состоящiй изъ уполномоченныхъ отъ различныхъ вѣтвей Товарищества. Конгрессъ формулируетъ общiя стремленiя рабочаго класса, издаетъ необходимыя для успѣшной дѣятельности Товарищества постановленiя, и выбираетъ членовъ Главнаго Совѣта Товарищества.

Ст. 4. Каждый Конгрессъ назначаетъ время и мѣсто созванiя слѣдующаго Конгресса. Къ опредѣленному имъ сроку уполномоченные собираются въ назначенномъ мѣстѣ, не дожидаясь специальныхъ приглашенiй. Въ случаѣ надобности, Главный Совѣтъ можетъ перемѣнить мѣсто созванiя Конгресса. Конгрессъ опредѣляетъ ежегодно мѣстопробыванiе Главнаго Совѣта и выбираетъ его членовъ. Избранный, такимъ образомъ, Главный Совѣтъ имѣетъ право принимать въ свою среду новыхъ членовъ. На каждомъ ежегодномъ Конгрессѣ Главный Совѣтъ представляетъ гласный отчетъ о работахъ своихъ за истекшiй годъ. Въ случаѣ крайней нужды, онъ можетъ созвать Конгрессъ ранѣе обыкновеннаго годоваго срока.

Ст. 5. Главный Совѣтъ образуется изъ рабочихъ различныхъ національностей, имѣющихъ въ Товариществѣ своихъ представителей. Онъ выбираетъ изъ своей среды членовъ необходимаго для веденiя дѣлъ бюро: казначея, главнаго секретаря, особыхъ секретарей для различныхъ странъ и т. д.

Ст. 6. Главный Совѣтъ долженъ дѣйствовать въ качествѣ агентуры для сношенiй между различными национальными или мѣстными вѣтвями Товарищества, такъ чтобы рабочiе каждой страны всегда имѣли свѣденiя о движенiи ихъ класса въ другихъ странахъ; чтобы одновременно и по общему плану можно было предпринять изслѣдованiе социальнаго положенiя различныхъ странъ Европы; чтобы вопросы, возбужденные одной изъ вѣтвей Товарищества, но имѣющiе общiй интересъ, могли обсуждаться всеми прочими его вѣтвями; и чтобы, въ томъ

случаѣ, когда со стороны Товарищества потребуется то или другое практическое дѣйствіе — напр., при международных столкновеніяхъ, — всѣ, примыкающія къ нему, общества могли дѣйствовать одновременно и цѣлесообразно. Главный Совѣтъ можетъ, когда найдетъ это нужнымъ, обращаться съ различными предложеніями къ мѣстнымъ или національнымъ рабочимъ обществамъ. Для облегченія своихъ сношеній съ различными вѣтвями Товарищества, Главный Совѣтъ будетъ печатать періодическіе отчеты.

Ст. 7. Такъ какъ успѣхъ движенія рабочихъ каждой страны можетъ быть обезпеченъ только ихъ союзомъ и единодушіемъ; такъ какъ, съ другой стороны, дѣятельность Главнаго Совѣта существенно облегчится въ томъ случаѣ, когда онъ войдетъ въ сношенія лишь съ немногими національными центрами, а не съ многочисленными и разрозненными мѣстными обществами, то члены Международнаго Товарищества Рабочихъ всѣми силами должны стремиться — каждый въ своей странѣ — къ объединенію существующихъ въ ней рабочихъ обществъ въ одинъ національный союзъ, съ центральнымъ органомъ управленія. Само собою разумѣется, что исполненіе этой Статьи Устава зависитъ отъ законовъ данной страны, и что каждое мѣстное общество можетъ входить въ непосредственныя сношенія съ Главнымъ Совѣтомъ, если къ этому нѣтъ препятствій со стороны закона.

Ст. 8. Каждая секція имѣетъ право, для сношеній своихъ съ Главнымъ Совѣтомъ, назначить особаго секретаря.

Ст. 9. Каждый, раздѣляющій и отстаивающій принципы Международнаго Товарищества Рабочихъ, можетъ сдѣлаться его членомъ. Но каждая вѣть Товарищества отвѣтственна за принятаго ею члена.

Ст. 10. При переселеніи изъ одной страны въ другую, каждый членъ Международнаго Товарищества встрѣтитъ братскую поддержку со стороны мѣстныхъ членовъ Товарищества.

Ст. 11. Примыкающія къ Международному Товариществу рабочія общества, хотя и связываются другъ съ другомъ братскими узами взаимной поддержки, удерживаютъ тѣмъ не менѣе свойственные имъ виды организаціи.

Ст. 12. Настоящій Уставъ можетъ быть измѣненъ каждымъ Конгрессомъ, если на это согласятся двѣ трети присутствующихъ на немъ уполномоченныхъ.

Ст. 13. Все, не предусмотрѣнное Уставомъ, будетъ пополняться особыми правилами, подлежащими контролю cadaго Конгресса.

